Виктория Шарло

В ночь на Ивана Купалу

Виктория Шарло
В ночь на Ивана Купалу

https://litres.ru/73972678
SelfPub; 2026

Аннотация

Она приехала сюда, чтобы исцелиться. Но это место не лечит — оно меняет.

Ретрит «Ночь Ивана Купала» обещал Еве перерождение: несколько дней в пермской глуши, вдали от города, от прошлого, от своего тела, которое она привыкла прятать. Белые одежды, травяные венки, древние обряды у костра — всё дышало покоем. Пока не начались ночные игры в лесу.

Те, кто уходит в чащу в масках, не всегда возвращаются. Организаторы улыбаются и просят не задавать вопросов. Ева пытается понять правила — и с каждым шагом обнаруживает, что попала сюда не случайно. Её ждали. Именно её.

Добро пожаловать в игру, где ставка — ты сам.

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 34
Глава третья 51
Глава четвертая 72
Глава пятая 101
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Виктория Шарло
В ночь на Ивана Купалу

Я не помню, когда начала бежать.

Помню только маску, врезавшуюся в кожу, будто ее затянули намертво. Воздух внутри — влажный, тяжелый, пропитанный запахом немытой ткани и отдаленной гари. Я дышала часто, поверхностно, грудью, забывшей, что значит расправляться на всю ширь. Лес стоял неестественно темный, не дикий, а будто вычерченный по линейке. Слишком правильный. Тропинка петляла с натужной геометрией: вот она уходит вправо, вот резко ломается влево, а через несколько шагов я снова вижу это дерево — раздвоенное, как знак бесконечного пути. Я уже пробегала здесь. Минуту назад. Или час.

Я бежала, и знала одно: остановиться — значит быть настигнутой.

Кем — не понимала.

Почему — тоже. Весь мир двоился и плыл, как в тяжелом сне, от которого нельзя проснуться, но где-то в глубине сознания холодной иглой колола мысль: это и есть явь.

За спиной, в кромешной тьме между стволов, вдруг взметнулся вой — долгий, звериный, подражающий волчьему призыву к луне. Но следом, обрывая его, — короткий, сдавленный смешок. Кто-то не сдержался. Я рванула вперед, хо-

тя ноги горели свинцом, а ступни скользили по прелой, податливой земле. В висках стучало: это не игра. Или игра, но та, где правила пишутся не для тебя.

Корень, черный и скользкий, внезапно встал на пути. Падение, резкая боль в коленях, запах хвои и чего-то приторно-сладкого, раздавленного под телом. На миг захотелось остаться здесь, прижаться щекой к холодной земле, закрыть глаза. Но тут послышались шаги — не бег, нет. Медленная, размеренная поступь.

Я вскочила, не чувствуя боли, и снова бросилась вперед.

Дальше — провал. Я не помню, как вскарабкалась на дерево, как цеплялась за шершавую кору. Помню лишь, как сквозь туман в сознании прорвался звук горна — долгий, пронзительный, сигнал об окончании. Он прошел сквозь меня, как вибрация, оставив внутри пустоту. Веки отяжелели. Мир накренился, и я рухнула вниз, на мягкую, влажную подстилку из летней хвои.

Лес будто выдохнул разом. Шаги смолкли. Я лежала на боку, жадно глотая воздух, чувствуя, как пот струится по позвоночнику. И тогда кто-то прикоснулся ко мне.

— Всё, — произнес спокойный, почти ласковый голос где-то сверху. — Ты молодец.

Я не успела спросить, в чем моя заслуга. Мир накрыла густая, бархатная тьма. И последним, что я ощутила, было легкое, прохладное прикосновение ко лбу — маслянистое, как пленка. Как печать.

Глава первая

Двумя неделями раньше

Если бы меня тогда спросили, зачем я осталась в Екатеринбурге на лето, я бы солгала про учёбу или про подработку. Любой ответ был бы удобнее правды, возвращаться мне было некуда.

Мать снова пила, я знала это даже без звонков — по тишине. Когда она уходила в запой, мир вокруг неё замирал, и воздух сгущался так, словно человеку лучше исчезнуть. Даже из памяти.

Комната в общежитии была капсулой — тесной, но предсказуемой. Я расставила всё по линиям: стол — строго у окна, кровать — параллельно стене, книги — по алфавиту. Я любила геометрию. Углы не предают. Если что-то стояло криво, я знала — это мой собственный беспорядок, а не чужой хаос, вползший в жизнь без спроса.

Инна считала меня странной.

— Ты живёшь как в камере хранения, — заявила она однажды, оглядывая мои стерильные полки. — Ей-богу, будто ты на AliExpress всё закупаешь и ждешь инвентаризации.

Я пожала плечами. В камере хранения вещи не исчезают внезапно.

Инна была моей противоположностью — шумной, текучей, с привычкой занимать всё пространство сразу. Она сме-

ялась открыто, говорила с незнакомцами, верила в случайные улыбки. Иногда мне казалось, что если её бросить в пустыню, она найдёт там компанию — хоть у скалы, хоть у кактуса.

— Слушай, поехали куда-нибудь, — ворвалась она ко мне в конце июня, плюхнувшись на аккуратно заправленное покрывало. — Все разъехались, а мы тут как последние души в аду. Или в раю. Не вижу разницы.

— Мне и тут хорошо, — ответила я, не отрываясь от ватмана.

Это была полуправда. Я рисовала чертежи — не для учёбы, сессия уже умерла своей тихой смертью. Я чертила, потому что на бумаге линии сходились. Стенки не осыпались, углы не расползались, а пустота имела форму и размер. В жизни пустота всегда была бесформенной и весила слишком много.

— Держи, — Инна сунула мне под нос телефон. — Всё бесплатно. Дорога, проживание, еда. Мечта аскета!

Я взяла устройство не сразу.

Сайт дышал стерильностью. Белый фон, шрифты без засечек, фотографии людей в светлой льняной одежде — улыбающихся, но не широко, будто они хранили какую-то общую тихую тайну. Логотип бросался в глаза: *«Ночь Ивана Купала. Ретрит перерождения»*.

— Это как детокс, но для души, — пояснила подруга с тем блеском в глазах, который появлялся у неё перед аван-

тюрой. — Говорят, люди оттуда возвращаются… другими. Обновлёнными.

Я уже собиралась вернуть телефон. Но пальцы сами пролистали страницу вниз.

— Там конкурсный отбор, — добавила она, понизив голос, будто делилась секретом. — Нужно просто заполнить анкету. Шанс — один на тысячу!

Анкета открылась мгновенно. Слишком мгновенно. Первые вопросы были невинны: имя, возраст, образование. Потом повеяло холодком.

Имеются ли у вас хронические заболевания психического или неврологического спектра?

Переживали ли в течение последних пяти лет события, которые можно квалифицировать как психологическую травму?

Имеются ли на вашем теле уникальные метки — шрамы, родимые или депигментированные пятна, татуировки?

Палец замер над экраном, а Инна заглянула через плечо.

— О, смотри, какие они внимательные, — выдохнула она с одобрением. — Видимо, медики будут дежурить. Это же отдалённое место, на случай чего…

Я машинально подтянула рукав пижамы. Белое пятно на запястье, размером с монету, казалось сейчас особенно ярким — будто маячило сквозь ткань. Кожа на нём была гладкой и, как мне всегда казалось, на градус холоднее. Я провела по нему подушечкой большого пальца.

— Не хочешь — не заполняй, — пожала плечами она, уже отступая к шкафу. — Просто идея.

Экран погас, и вместе с ним будто выключился назойливый, невидимый гул — в комнате, в голове, в самой плотности воздуха. Я положила телефон на стол, аккуратно совместив его нижний край с линией тетрадного разворота. Так было надёжнее. Когда предметы существуют в строгой последовательности, кажется, что и хаос не посмеет нарушить эти границы.

— Ну что? — Инна высунулась из шкафа, держа в руках мою весеннюю куртку, которую я уже месяц собиралась убрать. — Отправила?

— Нет, — ответила я без запинки. — Это… странно.

Она фыркнула, и звук этот был слишком громким для наступившей тишины.

— Всё по-настоящему интересное всегда странное. Конкретнее?

— Слишком личные вопросы, — сказала я. — Которые посторонним не должны быть интересны. Про тело, про родных…

Подруга закрыла дверцу шкафа с тихим щелчком и опустилась на пол напротив, скрестив ноги, вторгнувшись своим мягким, аморфным силуэтом в чёткий порядок нашей комнаты.

— Ева, — произнесла она, и её голос потерял привычную стальную блескость, стал приглушённым, почти тёплым. —

Это же не прогулка в парк. Они берут ответственность. А вдруг у кого-то панические атаки, или сердце?

Я вздрогнула — не от её логики, а от того, как прозвучало моё имя. Обычно оно растворялось в её стремительной речи. Сейчас же оно обрело вес, стало предметом, положенным между нами.

— У меня и так панические атаки, — сказала я сухо. — Безо всяких ретритов.

— Вот именно, — она улыбнулась уголком губ, но взгляд оставался неподвижным и серьёзным. — Может, там помогут с этим разобраться. Ты же сама говоришь, что хочешь вырваться. Хотя бы ненадолго.

— Я этого не говорила.

— Ты это рисуешь, — она кивнула на листы с чертежами на столе. — Выходы, переходы, мосты. Люди всегда рисуют то, чего боятся, или то, о чём молчат.

Я отвернулась к окну. Во дворе, под кривым фонарём, стоял кто-то незнакомый и курил, наблюдая за тем, как пепел падает на потрескавшийся асфальт. Лето только началось, но воздух за стеклом уже казался спёртым и тяжёлым, словно перед грозой.

— Я не доверяю таким местам, — проговорила я в сторону стекла. — Где все слишком правильные и улыбчивые. За этим всегда что-то прячется.

Инна пожала плечами, и движение это было слишком небрежным, чтобы быть естественным.

— Всё в этом мире что-то прячет. Вопрос в цене. А здесь — бесплатно.

Она не спеша встала, потянулась через стол, взяла свой телефон и развернула его ко мне экраном. Серая кнопка *«Отправить»* мерцала в полутьме.

— Смотри на это как на эксперимент, — продолжила она. — Ты же архитектор. Новое пространство, другие правила. Не понравится — уедем.

— А если не дадут уехать?

Она рассмеялась — звонко, но как-то плоско, будто звук шёл не из глубины, а скользил по поверхности.

— Боже, Ева, это же не секта. Всего лишь ретрит!

Я смотрела на маленькую серую плиточку кнопки. Она казалась ничтожной. Но я знала, как именно такие незначительные точки становятся началом новых, нестираемых векторов. Не взрыв — а едва слышный щелчок, меняющий всё.

— Я не верю в чудесное исцеление, — сказала я, и это прозвучало как последний бастион.

— Никто и не просит верить, — парировала подруга, и её пальцы мягко легли поверх моих на холодном стекле экрана. — Просто поехали. К тому же, — добавила она, и её голос приобрёл практичную, почти бытовую интонацию, мгновенно срезавшую пафос моих сомнений, — не факт, что мы вообще выиграем этот конкурс. Очередь будет как за новым айфоном!

Это прозвучало так просто, так буднично, что последнее

сопротивление во мне обмякло и рассыпалось. Она не давила на рычаг судьбы — она говорила о лотерее, об очереди в кассу. О чём-то мелком и необязательном.

Я выдохнула. Медленно, будто выпуская из себя последний глоток знакомого, хоть и затхлого, воздуха. Палец, всё ещё под её тёплой ладонью, дрогнул и нажал. Щелчок был беззвучным, но мир в ту же секунду съежился до размеров экрана, на котором вспыхнула одна-единственная надпись: *«Ваша заявка принята. Ожидайте решения»*

Следующая неделя текла вязко и тихо — почти подозрительно тихо. Учебный корпус вымер, коридоры общежития отдавались эхом собственных шагов, и я почти забыла о той анкете. Мысли о ретрите отступили на задворки сознания, превратившись в нечто вроде незавершённого проекта: он существует, но до дедлайна ещё далеко, а значит, о нём можно не думать.

Каждое утро, прежде чем выйти из комнаты, я наносила крем от загара. Медленно, методично, словно создавая невидимый барьер между кожей и миром. Делала я это не из страха перед солнцем — из страха перед чужими взглядами. Моё витилиго никогда не было «милым» или «узорчатым». Оно захватывало территорию, как чужая карта: ноги, руки, поднимаясь к плечу и шее. Хуже всего была полоса на левой стороне лица — неровная, цвета слоновой кости, которая проступала даже при малейшем загаре, будто тайное клеймо, которое невозможно скрыть окончательно.

Я научилась упаковывать себя. Длинные рукава даже в тридцатиградусную жару. Платья с высоким воротом. Слой тонального средства — всегда, как доспехи. Я не существовала «натуральной» за пределами своей комнаты. Даже чтобы вынести мусор. Даже чтобы купить хлеб. Моё тело было конструктивным дефектом, который проще замаскировать, чем предъявить миру.

Из-за этого я никогда не подпускала к себе близко мужчин. Не из-за их возможной жестокости — скорее из-за паники, которая поднималась изнутри при мысли, что кто-то увидит меня целиком. Без слоёв ткани, без грима, без дистанции. Я не знала, как быть собой без этих щитов. И потому предпочитала не быть собой вовсе — быть схемой, силуэтом, аккуратной проекцией.

Инна существовала иначе.

Она выходила из комнаты так, будто мир был создан исключительно для её удобства. Темное, кудрявое каре, открытые плечи, лёгкая походка, не требующая проверки. Она не ловила своё отражение в каждом стекле, не поправляла сто раз подол, не держала в голове карту «опасных зон» на собственном теле. Её физическое «я» не было полем боя — оно было домом.

Иногда я замечала, что наблюдаю за ней слишком пристально. Не с завистью — с каким-то отстранённым, почти научным интересом. Как это возможно — жить без постоянной внутренней цензуры? Без ощущения, что любое невер-

ное движение, любой открытый сантиметр кожи станет предательством?

— Ты каждый раз намазываешься, как будто собираешься в экспедицию на Юпитер, — сказала она, прислонившись к косяку и наблюдая, как я втираю белый крем в предплечья.

— Так безопаснее, — ответила я, не глядя на неё.

Инна промолчала. Просто кивнула. Она никогда не оспаривала мои ритуалы. И, возможно, если бы не её настойчивая, шумная, бесцеремонная близость, я бы окончательно замуровала себя в этих стенах — среди выверенных линий и контролируемых переменных.

Я ещё не знала тогда, что именно она станет той самой внешней силой, что вытолкнет меня за пределы чертежа.

И что крем от загара окажется самой хрупкой и бесполезной из всех моих защит.

Подруга как всегда, сумела превратить утренние сборы в маленький праздник: она ловко заправила мои волосы — русые с одной белой прядью — за ухо, слегка приподняла моё лицо к свету.

— Видишь? — сказала она, и её улыбка была таким же тёплым лучом. — Даже твоя белая прядь не портит картину. Наоборот — добавляет изюминку.

Я молча кивнула и надела кепку, чувствуя, как привычная тревога слегка отступает под напором её уверенности. Она уже натянула рюкзак на плечо и дёрнула меня за руку к двери.

Мы шли по центральному парку, где пахло мороженым и жареным кофе. Инна то и дело останавливалась, чтобы попробовать шарик шоколадного или ягодного, размахивая ложкой, как дирижёр палочкой.

— Подожди! — вдруг воскликнула она, судорожно посмотрев на экран своего телефона. — Проверь свою электронную почту. Сейчас же!

Я опустилась на скамейку, дрожащими пальцами открыла приложение. И сразу увидела уведомление: «*Поздравляем! Ваша заявка принята на участие в ретрите «Ночь Ивана Купала»! Ждём вас 29 июня, машина с водителем приедет за вами по фактическому месту проживания, ожидайте звонка для уточнения времени*».

Я почувствовала, как под ложечкой холодеет. «И… моя?» — пронеслось в голове.

Инна заскакала вокруг меня, почти подпрыгивая от восторга.

— Две заявки! — радостно закричала она. — Мы обе выиграли!

— Вдвоём? — выдавила я, всматриваясь в экран, не веря своим глазам. — Это… слишком странное совпадение.

Подруга засмеялась, обняв меня за плечи.

— Счастливый баг системы, Ева! — Она наклонилась так, что её карие глаза заглянули прямо в мои светлые. — Надёжнее так. Вместо того чтобы ехать одной, мы едем вместе. И, честно, кто бы не хотел иметь меня рядом?

Я не знала, смеяться ли или просто кивать. Но внутри, в самой глубине, что-то слегка сжалось.

— Погоди, — наконец выдохнула я, перечитав дату. — Это же… завтра!

— Да! — воскликнула она, и её глаза загорелись азартом. — Побежали в общагу, соберём всё необходимое!

Она уже тянула меня за руку, но мир вокруг будто замедлился. Завтра. Слово ударило по вискам. Не *«через неделю»*, не *«скоро»* — завтра. Время, которого нет, которое уже наступило, едва успев начаться. Я позволила ей вести себя, но мысли метались, как птицы в стеклянной клетке. Что брать? Как подготовиться?

Мы бежали по улицам, и ветер теперь казался не вкусным, а резким, как перед бурей. Моя рука была холодной, а её пальцы — тёплыми и влажными от возбуждения. *«Вместе»*, — думала я, и это слово отдавалось эхом в пустоте под рёбрами. Вместе — значит, не одна. Вместе — значит, есть свидетель. Вместе — значит, возможно, будет страшнее, потому что бояться теперь придётся не только за себя.

Лестница общежития встретила нас глухим эхом. Инна ворвалась в комнату первой, начав вываливать вещи из шкафа с энергией торнадо. Я же стояла на пороге, глядя на свой аккуратный стол, на выстроенные в линию карандаши, на чертежи с их безупречной геометрией. Завтра всё это останется здесь. А я уеду в место, где линии, возможно, уже не будут подчиняться мне.

— Не стой как столб! — крикнула подруга из глубины шкафа. — Помогай думать! Списки составляй!

Да, списки. Контроль. Порядок. Можно составить список, и тогда всё будет в рамках. Даже завтра.

Но когда я взяла блокнот, страницы показались мне слишком белыми, а строки — слишком узкими, чтобы вместить всё, что нарастало внутри. Тихий, настойчивый вопрос, который бился в висках вместе с пульсом: *а что, если этот «счастливый баг» — не случайность?* Что, если нас выбрали не просто так, а именно потому, что мы — вместе? Она, которая не боится мира. И я, которая боится даже собственного отражения.

Я сделала первую запись: *«Крем от загара»*. Потом добавила: *«2 тюбика»*. И почувствовала, как это смешно. Как детские куличики из песка перед приближающимся приливом.

— Эй! — одернула она меня снова, вынырнув из шкафа с парой кроссовок в руке. — Имей в виду, это далеко, аж в Пермском крае, и в лесу, наверняка будет туча комаров. Поэтому надо ещё взять спрей от насекомых. И ещё… — она запнулась, и её взгляд внезапно стал задумчивым, почти мечтательным. — Как думаешь, есть ли шанс там встретить свою любовь?

Я уставилась на неё, не веря своим ушам.

— Ты сейчас не об этом думаешь, — ответила я сухо, сжимая в руках свёрнутый свитер. — Мы едем чёрт знает куда,

к чёрт знает кому, а ты рассуждаешь о романах?

Инна застыла, и её брови резко сдвинулись, образуя чёткую, недовольную складку.

— Ты снова за своё! — её голос стал выше и острее. — Я же всё проверила! Есть фотоотчёты с прошлогодних ретритов, группа существует пять лет, сайт не создан вчера! Ты думаешь, я совсем дура, которая ведётся на первую попавшуюся авантюру?

— Не знаю, — промямлила я, отвернувшись и начиная механически складывать носки в углу сумки. — Просто… слишком всё гладко. Две заявки. Две девочки. Завтрашний отъезд. И все эти их «духовные практики»… Мне не нравится эта спешка. Как будто нас торопят, пока мы не передумали.

— Ты боишься, — наконец сказала она, но уже не с вызовом, а тише, констатируя факт. — Я понимаю. Но иногда… иногда надо просто шагнуть. Я не прошу тебя верить им. Я прошу поверить мне. Хоть раз.

Она подошла и взяла меня за руки.

— Если там будет хоть что-то… странное, хоть один повод для паники — мы тут же уедем. Обещаю. Но дай нам сначала увидеть это. Обычный летний лагерь для уставших горожан. Вот и всё.

Я посмотрела на наши сплетённые пальцы. На её уверенный хват и мою беспомощную вялость. Она предлагала не слепое доверие незнакомцам, а договор между нами. И это

было единственное, за что ещё можно было уцепиться в этом водовороте сомнений.

— Ладно, — выдохнула я, и это «ладно» звучало как капитуляция. — Берём спрей от комаров. И… и аптечку, наверное.

Уголки губ Инны дрогнули в лёгкой, победной улыбке.

— Вот и умница. А про любовь… — она хихикнула, отпуская мои руки и возвращаясь к хаосу в шкафу. — Это я так, для поддержания боевого духа. Хотя кто его знает…

Я молча кивнула, доставая из ящика два новых тюбика крема и укладывая их поверх носков. Любовь. Самая непредсказуемая и опасная из всех возможных аномалий. Куда страшнее любого леса в Пермском крае. Но об этом я уже не стала говорить. Сегодня мы исчерпали лимит на трудные разговоры. Осталось только собрать вещи и ждать утра, которое надвигалось со скоростью поезда, мчащегося в тоннель.

Ночь пришла незаметно, будто её просто включили — щёлкнули тумблером где-то за стеной. Инна уснула почти сразу, раскинувшись на кровати поверх покрывала, с телефоном, упавшим на грудь. Я лежала напротив нее в своей кровати и считала трещины на потолке. Их было семь. Потом восемь. Потом стало неважно.

Сон не приходил. Вместо него в голову лезли обрывки мыслей — несвязные, липкие. Лес. Белые одежды с сайта. Вопросы анкеты, которые теперь казались не просто стран-

ными, а излишне точными. «Уникальные метки». Формулировка всплывала снова и снова, как заевшая строка кода. Я машинально провела пальцами по запястью, по границе светлой кожи, словно проверяя, на месте ли она. Метка была там. Всегда была.

Когда я всё-таки задремала, это было не похоже на сон. Скорее — на провал между состояниями. Мне мерещилось, будто кто-то тихо ходит по коридору, останавливается у нашей двери, прислушивается. Я слышала дыхание — слишком близко, чтобы быть воображаемым, но слишком ровное, чтобы принадлежать живому человеку. Я открыла глаза. Комната была пуста. Инна спала. Дверь заперта. Часы показывали 4:12.

Утро наступило без предупреждения.

Телефон подруги зазвонил резко, почти агрессивно, вырывая нас обеих из остатков сна. Она села на кровати мгновенно, будто ждала этого сигнала.

— Да! — сказала она слишком бодро для такого часа.

Я слышала только её сторону разговора. Короткие *«угу», «хорошо», «поняла»*. Она кивала в пустоту, заправляя волосы за ухо. Когда звонок оборвался, она посмотрела на меня сияющими глазами.

— Всё! Через сорок минут за нами заедут.

Слова легли в комнату тяжело, как мебель, которую невозможно сдвинуть.

Я встала и оделась молча. Движения были отработан-

ными, механическими. Крем. Тональный. Длинные рукава. Каждая вещь занимала своё место, как если бы порядок мог удержать происходящее в рамках допустимого. Инна, напротив, металась по комнате, что-то напевая, забывая и вспоминая вещи одновременно.

Когда мы вышли на улицу, город ещё не проснулся окончательно. Асфальт был влажным, воздух — холодным и прозрачным, будто ночь не успела до конца уйти. Машина стояла у входа — тёмный внедорожник, без опознавательных знаков. Водитель не представился, только кивнул и молча открыл багажник.

Мы положили сумки с вещами и я задержалась на секунду, прежде чем сесть. Обернулась на общежитие — серое, привычное, с облупившейся краской и знакомыми окнами. Оно выглядело непривлекательно, но надёжно. Как точка отсчёта, к которой всегда можно вернуться.

— Ева? — окликнула подруга уже из салона. — Ты идёшь?

Я кивнула и села рядом. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным звуком. Машина тронулась, и город начал медленно отступать, растворяясь в зеркале заднего вида. Я смотрела, как линии улиц вытягиваются и ломаются, превращаясь в дорогу, ведущую туда, где, как мне казалось, порядок перестанет работать.

— Извините, — прервала молчание Инна. — А долго ли нам ехать?

Водитель был не особо разговорчив, лишь посмотрел на навигатор и сухо ответил:

— Примерно пять часов. Место в Пермском крае, урочище за рекой Усьва. Дорога в конце — грунтовка, почти просёлок. Далее вас переправят на лодке.

Мы с подругой переглянулись. Инна была слишком возбуждённа, а я лишь погрузилась в мысли, вставив наушники и смирилась с тем, что сейчас нужно плыть по течению. Урочище за Усьвой… Я слышала это название мельком, когда в интернете читала про Каменный город — тот самый природный памятник, окружённый легендами и популярными туристическими тропами. Но мы явно ехали не туда. Мы ехали в место по соседству, в глушь, куда не ведёт ни один маршрут.

Дорога действительно оказалась долгой и утомительной, леса становились всё гуще, словно поглощая остатки цивилизации. Через пять с лишним часов машина свернула на грунтовку, которая вскоре превратилась в едва заметную колею среди бурелома и кустарника. Наконец мы остановились на берегу реки — это и была Усьва, неширокая, но стремительная, с водой цвета холодного свинца. На другом берегу виднелся густой, непроходимый лес, подступающий к самой воде.

К реке была привязана простая деревянная лодка, а возле неё стоял человек в светлой одежде — такая же, как на фотографиях с сайта. Он не улыбался, но его лицо было спо-

койным, невозмутимым.

— Добро пожаловать, — сказал он, его голос был тихим, но отчётливым. — Переправляйтесь. Лагерь в урочище. Там вас уже ждут.

Инна, полная энтузиазма, почти побежала к лодке. Я же выходила медленно, чувствуя, как ноги вязнут в холодном, влажном песке. Где-то совсем рядом, всего в нескольких километрах, должны были бродить туристы, фотографируя причудливые скалы Каменного города и смеясь над страшными легендами. Но здесь, на этом берегу, не было слышно ни смеха, ни голосов. Только шум быстрой воды да шелест огромного, безлюдного леса.

Я сделала последний шаг к лодке, оглянувшись назад. Машина уже разворачивалась, чтобы уехать. Дороги назад не оставалось.

Человек в белом оттолкнулся от берега, и течение мгновенно подхватило нас. Я сжала руки в кулаки, чувствуя, как под ногтями впивается холодный пластик наушников. Музыка так и не заиграла. Было только тихое, настойчивое журчание реки и далёкий крик птицы, словно предупреждение, которое мы уже не могли услышать.

Пока мы плыли, из-за серых туч вдруг вышло солнце и озарило мрачный лес. Свет, резкий и неожиданный, преобразил всё: хвоя заблестела, словно отполированная, мхи вспыхнули изумрудными подушками, а тени стали глубокими и бархатными. Казалось, лес на мгновение снял маску.

— Как красиво! — чуть громче обычного сказала Инна, перекрывая шум реки.

Я лишь осмотрелась и увидела, что мы уже подплываем к пологому берегу, и лодка мягко ткнулась в песок.

— Прошу, — ответил мужчина и протянул руку, чтобы помочь нам выйти. Его прикосновение было сухим и безличным. Он молча взял наши сумки и двинулся вперёд по едва заметной тропинке, а мы, словно послушные щенки, потянулись за ним.

Пройдя несколько метров сквозь стену кустарника, я сразу увидела огромную деревянную арку. Она была выполнена грубовато, но с претензией на древность, точно как делают на реконструкциях славянских праздников. На перекладине было вырезано: *«Ночь Ивана Купала»*, а конструкцию обильно украсили полевыми цветами и берёзовыми ветками. Выглядело это одновременно и нарядно, и наигранно.

Как только мы шагнули за арку, я тут же включила внутренний сканер, начала считывать пространство, как чертёж. Открылась огромная, ухоженная поляна. В её конце, как кульминация перспективы, стояло деревянное здание из мощного тёмного бруса, искусно украшенное резьбой, с теми же столярными знаками и стилизованными зверями, что и на арке. Оно стояло ровно на границе поляны и леса, будто намеренно закрывая его собой, перегораживая путь взгляду.

— Добро пожаловать! — окликнула нас рыжеволосая девушка, появившись словно из ниоткуда.

Она была в простом белом платье из льна, с венком из васильков и ромашек на распущенных волосах. Улыбка казалась искренней, но слишком уж отлаженной.

— Я ваш сопровождающий, меня зовут Алёна. — Она уткнулась в папку, похожую на планшет. — А вы, наверное, Беляева Ева Витальевна и Кузнецова Инна Сергеевна?

— Верно, — ответила Инна, и её улыбка стала ещё шире, почти сливаясь с солнечным бликом.

— Отлично, пройдёмте к дому, я вам всё покажу и расскажу.

Мы последовали за девушкой. Мужчина с нашими сумками безмолвно шёл позади, как тень. Пока мы двигались, я успела бросить быстрый, аналитический взгляд вокруг. На поляне было немало людей. Девушки в таких же белых сарафанах, мужчины в свободных льняных рубахах и брюках. Все — босиком. Они группами стояли или сидели на траве, кто-то тихо беседовал, кто-то смеялся. Смех звучал неестественно легко, беззаботно, будто его включили на фоне.

И тут я заметила одну деталь, которая всё расставила по местам. На платье нашей сопровождающей Алёны по подолу и вокруг горловины были тонко вышиты узоры — не просто белой нитью, а ярко-красной, киноварного оттенка. У остальных, «гостей», таких украшений не было. Чистая, аскетичная белизна. Красная нить. Отличительный знак. Маркер, разделяющий стадо и пастухов.

— Это наша общая обитель, но вход сюда разрешен толь-

ко организаторам. Ваш домик расположен на другой стороне лагеря. — Голос Алёны вернул меня к действительности, но её слова не принесли облегчения. — Здесь мы встречаем гостей, и для проверки техники безопасности оставляем свои личные вещи.

Она обернулась и посмотрела на меня. Её глаза были зелёными, как мох после дождя, и в них читалось спокойное, но изучающее любопытство.

— Личные вещи? Мы что, всё оставим здесь? — беспокойство заставило мой голос звучать чуть выше.

— Не совсем, — ответила Алёна, и её улыбка стала чуть напряжённой, словно она повторяла заученный текст. — Мы можем проверить ваши сумки?

Не успев ответить, я увидела, как мужчина молча поставил наши вещи на большой деревянный стол и придвинул к себе два светлых поддона с мешками, до боли напоминающих аэропортовские.

— Да, конечно! — бодро ответила Инна, но тут же наклонилась ко мне и прошептала с фальшивым смешком: — А вдруг мы террористы?

Её шутка упала в гулкую тишину помещения и затерялась в ней. Мужчина, не обращая на нас внимания, начал быстро и методично рыться в наших вещах. Его руки двигались с неприятной, отлаженной точностью, отделяя одно от другого.

— И ещё, — голос Алёны прозвучал как продолжение ин-

струкции, — мне нужно конфисковать ваши телефоны. Дело в том, что у нас существует правило цифрового детокса. К тому же, из-за особенностей местности здесь нет связи и интернета, поэтому они вам будут не к чему.

— А если вдруг понадобится помощь? — спросила я, чувствуя, как ладони становятся влажными.

— У нас есть общий телефон, специальный для вызова экстренных служб. Но пользоваться им могут только организаторы, — её тон не оставлял пространства для дискуссии. — К тому же, в нашем штате есть медики и спасатели. Так что… вам ничего не угрожает.

Последняя фраза прозвучала не как утешение, а как констатация факта, который мне предлагалось принять на веру. Я лишь кивнула и послушно опустила свой смартфон в её протянутую ладонь. Инна, после секундного колебания, последовала моему примеру.

Именно в этот момент я увидела, как мужчина выкладывает на стол мою косметичку и несколько тюбиков солнцезащитного крема.

— Погодите, зачем вы это убираете?! — возмущение подтолкнуло меня вперёд и я сделала пару быстрых шагов к столу.

Алёна мягко, но настойчиво преградила мне путь.

— Ох, мы здесь не пользуемся косметикой. Здесь мы сливаемся с природой, оставляя всё наносное в городе.

— Но ей это нужно! — Подруга вступила передо мной, её

голос зазвучал твёрже. — Ей нужны солнцезащитные крема! Мы же заполняли анкету, и вы должны быть в курсе, что у неё витилиго! Это не прихоть, а необходимость!

— К сожалению, я лишь выполняю поручения руководства, и… — начала Алёна, но Инна перебила её, и в её голосе впервые прозвучали не шутливые, а настоящие нотки гнева.

— Так значит, вы и лекарства отбираете у тех, кому они жизненно необходимы?

Девушка тяжело вздохнула. Её идеально доброжелательная маска на миг сползла, обнажив усталую, почти механическую беспристрастность.

— Я обсужу это с руководителем. Думаю, она учтёт ваши особенности и сделает исключение. А пока я вынуждена это забрать.

Она кивнула мужчине. Тот, не глядя на меня, собрал кремы и косметику в холщовый мешочек и туго затянул шнурок. Это движение было окончательным. Жестким и безвозвратным.

Внезапно я ощутила не просто раздражение, а леденящую пустоту. Они забрали не тюбики. Они забрали мой панцирь. Единственную, хрупкую защиту, которая делала моё существование в мире сносным.

Инна сжала мою руку, но её пальцы тоже были холодными. Мы обменялись коротким взглядом, в котором мелькнуло одно и то же понимание: *«Правила»* здесь пишутся не для нас. И от них не отмахнуться шуткой.

— А теперь пройдемте за мной. Я вам покажу лагерь, — сказала Алёна, и её голос снова обрёл плавные, гидовские интонации.

Мы схватили наши сумки с жалкими остатками вещей и, не расцепляя ладоней, поплелись следом.

— Итак, наш лагерь разделён на мужскую и женскую стороны. Ваша — по правую руку, мужская — по левую, — Алёна указала направление, не оборачиваясь.

— Зачем? — в голосе Инны прозвучало не просто любопытство, а глухое раздражение. Весь её вчерашний восторг был смыт тем, что произошло у стола. — Я думала, праздник Ивана Купалы как раз для того, чтобы найти свою вторую половинку?

Алёна повернулась. На её лице снова расцвела улыбка, но на сей раз она показалась мне откровенно механической, будто её вырезали по шаблону и приклеили.

— Да, всё верно. Но женская и мужская энергии отличаются, а значит, и ритуалы с практиками будут разными. Но вы будете пересекаться каждый день — здесь, на общей территории, на завтрак, обед и ужин. А также будут общие… интерактивы, — она произнесла это современное слово с лёгкой, почти насмешливой неловкостью, словно чужое.

Не дав нам возможности задать новые вопросы, она снова развернулась и неспешно пошла вперёд.

Я украдкой осмотрела пространство. С левой стороны, там, где должна была быть мужская территория, закрывал

обзор огромный шатёр из светлого брезента. Сквозь открытый вход виднелись длинные дубовые столы и скамьи — очевидно, общая столовая. Всё было слишком аккуратным, слишком новым, чтобы быть правдоподобным.

Наша спутница свернула направо. Никаких заборов или явных границ не было, но ощущение перехода возникло сразу. Воздух здесь показался ещё тише, ещё гуще. И перед нами открылась картина, которая должна была выглядеть идиллически, но вызывала лишь холодок под кожей.

На самом берегу реки, почти у самой воды, стояли маленькие, одинаковые треугольные домики с панорамными окнами, обращёнными к лесу и реке. Казалось, они не столько укрывали от мира, сколько выставляли обитателя на всеобщее обозрение.

Посреди газона был сложен огромный костёр из толстых брёвен. Он пока не горел, но его центральное расположение и идеальная форма говорили о том, что он — сердце этого места. Позади него, как стена, подступал густой, непроницаемый лес.

На зелёной траве лежали яркие подушки из грубой ткани. На некоторых уже сидели две девушки в белых платьях. Они оживлённо о чём-то беседовали, но их смех, долетевший до нас, показался мне таким же неестественным, как и у людей на главной поляне. Слишком громким. Слишком частым. Как будто они играли роль счастливых и беззаботных участниц в плохо прописанной пьесе.

— Вот ваши апартаменты, — Алёна остановилась у ближайшего домика. — Вы соседки. После отбоя покидать дом без крайней необходимости не рекомендуется. Лес ночью и днём — не место для прогулок. На тумбочках лежит расписание дня. Его важно соблюдать. Купание в реке запрещено. Течение слишком сильное.

Её взгляд скользнул по моему лицу — быстрый, оценивающий, будто проверяя, насколько глубоко успел впитаться тональный крем, который у меня теперь отобрали.

— Отдыхайте, осваивайтесь. Обед через пятнадцать минут. И… постарайтесь расслабиться, — произнесла она, и в последних словах вновь зазвучал тот же металлический отзвук, что и в *«вам ничего не угрожает»*.

Она развернулась и ушла, бесшумно ступая босыми ногами по идеальной траве, оставив нас наедине в окружении лужаек, прозрачных домиков и гнетущей тишины, которую лишь подчёркивал нарочито-беспечный смех двух незнакомок на подушках.

Инна отпустила мою руку. С неожиданной резкостью она швырнула свою сумку на землю, и глухой удар о сырую почву прозвучал неожиданно громко.

— Апартаменты, — повторила она с горькой, сжатой усмешкой. — Прямо как люкс. Только окна — в никуда. А соседи… — она коротко кивнула в сторону смеющихся девушек, — похоже, уже приняли рекомендованную дозу местного блаженства.

Я не отвечала. Смотрела на треугольный сруб. Солнце, вырвавшееся из-за туч, осветило большое окно, превращая его в яркое зеркало. Оно не было убежищем, но отражало лес в мягком свете — напоминание, что вокруг ещё есть мир.

— Мне уже всё это не нравится, — тихо сказала я, хотя нас окружали солнечный свет, аккуратные домики и вид на живописную реку.

Инна вздохнула, и в её вздохе звучала усталость, которой не было ещё час назад.

— Давай хотя бы сутки. Просто чтобы понять. Если будет совсем невыносимо — скажем, что уезжаем. Договорились?

Я кивнула, не в силах вымолвить больше ни слова, и сделала первый шаг к светлому прямоугольнику двери нашего общего, тесного, слишком прозрачного убежища.

Распахнув высокую стеклянную дверь, в нос ударил запах свежего дерева и лаванды. Внутри домик выглядел современно и просторно. Окна с двух сторон, и на противоположной стене — такое же панорамное стекло с выходом на террасу, нависающую над рекой. Мы оказались в стеклянной галерее между двумя мирами — упорядоченным лагерем и дикой, свободной рекой.

— Здесь… очень прозрачно, — неуверенно заметила я, чувствуя себя как в аквариуме.

Инна уже нажала кнопку на стене, и плотные шторы плавно съехались, превращая прозрачную коробку в приватную комнату. — А так гораздо уютнее! И кондиционер есть.

Она включила климатическую систему, тихий поток прохладного воздуха наполнил пространство. Я села на край кровати, позволив телу утонуть в мягкости матраса. Две широкие кровати, заваленные подушками, современный душ с халатами — комфорт был неоспорим. Но в идеальной тишине тревога не исчезла, а лишь сменила форму: роскошь здесь была не подарком, а частью негласного договора.

— Ладно, — выдохнула я. — С бытовыми условиями и правда порядок.

Инна достала из мини-бара две бутылки воды, мы чокнулись, но молчали. Я потянулась к расписанию на тумбочке, но лишь провела пальцами по гладкой бумаге, не разворачивая. Взгляд упёрся в стык плотных штор. Мы были в центре прозрачного куба, временно занавешенного. И тишина за тканью казалась зрячей и выжидающей.

— Ладно, — тихо сказала Инна. — Сейчас — отдых. Завтра разберёмся.

Но её слова повисли в воздухе. Мы переступили порог, и теперь ждали, когда откроется следующая глава, напечатанная для нас мелким, незнакомым шрифтом в оставленном расписании. А стёкла за шторами молчаливо сторожили наше временное перемирие.

Глава вторая

Тишину прервал колокол — далёкий, чистый удар, прокатившийся над рекой и застрявший где-то между деревьями. Мы с Инной переглянулись. В её взгляде — всё то же, что и у меня: настороженность, смешанная с любопытством.

— Что это? — спросила она почти шёпотом.

— Наверное, сигнал к обеду. Пошли.

Я поставила бутылку на тумбочку и машинально схватила брошюру с расписанием — плотная бумага холодно скользнула под пальцы. Инна мгновенно вскочила, поправила волосы перед зеркалом, провела ладонями по бёдрам, разглаживая несуществующие складки, и решительно распахнула стеклянную дверь. Я вышла следом, не спеша, солнце ударило в лицо, заставив прищуриться.

— Ты знаешь, где… — начала она, оглядывая поляну, но я уже разворачивала бумагу.

— В шатре, на главной поляне, — ответила я, мысленно проходя недавний маршрут.

По мягкому, чуть влажному газону к шатру уже тянулись фигуры в белом — кто-то шёл парами, кто-то в одиночку, но все двигались с одинаковой, почти механической плавностью. Мы интуитивно пристроились к этому потоку.

Я раскрыла брошюру и пробежала глазами по строкам:

08:00 — Подъём
08:30 — Зарядка
09:00 — Завтрак
10:00 — Утренний ритуал
11:00–12:30 — Свободное время. Сотворчество
12:30 — Дневной ритуал
13:30 — Обед
15:00 — Духовные практики
17:00 — Отдых
18:30 — Ужин
20:00 — Вечерние ритуалы у костра
22:00 — Отбой

Ровные, спокойные интервалы. Никакой спешки, никаких неожиданностей. Сетка, в которую оставалось только лечь.

— Эй, — окликнула я Инну, протягивая брошюру. — Смотри.

Она обернулась на ходу, скользнула взглядом по колонкам и вдруг улыбнулась — той своей прежней, лёгкой улыбкой, которая почти стёрлась за последние часы.

— Не так уж и плохо. Как в санатории!

Я не ответила. Кивнула, складывая бумагу вдвое, и мы вошли в шатёр, где пахло хлебом и летом, где звенели ложки и смешивались голоса, и где на одно короткое мгновение мне почти поверилось, что она права.

Внутри стояло два огромных, исчерна-тёмных деревянных стола, вытянувшихся во всю длину шатра. Они были укрыты тяжёлой льняной скатертью, выбеленной до снежно-

го хруста, и украшены так, будто здесь готовились встречать не обычный обед, а древний пир. Гирлянды из полевых цветов, ветки рябины, маленькие глиняные плошки с мёдом и ягодами. Запах был густым — тёплая сладость свежей выпечки, пряный дух мяса с мангала, а сквозь них — горьковатая полынь. От этого голод становился почти болезненным, навязчивым.

Мы с Инной замерли на пороге, не зная, куда сесть. Поток входящих мягко подтолкнул нас вперёд, и я почти физически ощутила, как за нашими спинами смыкается световой проём входа. Люди переговаривались тихо, будто боялись нарушить негласный ритуал.

— Красиво, — шепнула Инна, но в её голосе не было прежней лёгкости. Она тоже почувствовала эту густую, настоянную на порядке торжественность.

Мы выбрали свободное место в середине правого стола. Я положила брошюру рядом с собой, на край скатерти, и вдруг поймала себя на том, что кладу её строго параллельно краю стола. Привычка. Ритуал внутри ритуала.

Напротив нас сидела девушка с длинной русой косой. Она не ела, не разговаривала — просто смотрела перед собой, сложив руки на коленях, и улыбалась. Рядом с ней молодой парень в льняной рубахе осторожно, кончиками пальцев, поправлял веточку рябины в плошке, добиваясь идеального угла.

Я перевела взгляд на дальний конец стола. Там, во главе,

стояло пустое резное кресло с высокой спинкой, украшенной славянской вязью. Оно ждало кого-то.

— Кто там сядет? — тихо спросила подруга, проследив за моим взглядом.

Я не успела ответить. Колокол ударил снова — близко, над самым ухом, заставив вздрогнуть. Гул голосов мгновенно стих. Все головы повернулись ко входу. И в проёме шатра, на фоне слепящего солнца, возникла женская фигура в белом.

Но не успели мы сосредоточить внимание на ней, как в шатёр вломились две девушки. Они кланялись на ходу, шепча извинения, и одна тянула другую за руку, будто боялась отпустить.

Я заметила их сразу — потому что на них не было белых платьев. Обычные джинсы, растянутые футболки, городские рюкзаки. Они выделялись так же резко, как мы с Инной — пятна краски на идеально белом листе.

Девушки плюхнулись на лавку рядом с нами — шумно, неловко для этого выверенного, застывшего пространства.

— Извините! Мы чуть-чуть опоздали, — произнесла одна из них, запыхавшись, и её щёки горели алым.

— Ничего, — едва слышно отозвалась девушка с длинной косой напротив. — Вы как раз вовремя.

— Уф… — громко выдохнула опоздавшая, откинув с лица выбившуюся прядь. Затем её глаза заметались по столу, по лицам, зацепились за нас. — Вы тут тоже первый раз?

— Да, — коротко ответила Инна.

Я промолчала, всё ещё изучая стол.

Теперь, когда суета улеглась, я видела это ясно. За двумя длинными столами сидело около сорока человек. Большинство — в одинаковых светлых платьях и рубахах, растворённые в общей палитре. И среди них — островки. Мы с Инной в нашей городской одежде. Две запыхавшиеся девушки в джинсах. Парень в углу, в тёмной толстовке, натянувшей капюшон. Ещё пятеро, рассредоточенных по разным концам столов — я опознала их по отсутствию вышивки, по напряжённым плечам, по тому, как они не знали, куда деть руки.

Десять новичков. Остальные уже были здесь. Уже носили форму. Уже улыбались той самой ровной, наклеенной улыбкой.

— А мы вообще не знали, куда едем, — зашептала соседка, наклоняясь ближе, и её локоть коснулся моего. — Друг уговорил. Говорит, перезагрузка, энергии, всё такое. А я думала, будет похоже на палаточный лагерь, а тут…

Она обвела взглядом шатёр, столы, резное кресло во главе.

— …а тут как в музее под стеклом. Всё красиво, но дышать боишься.

Я кивнула. Стекло. Витрина. Те же слова, что крутились в моей голове с момента, как мы ступили на эту поляну.

Инна тихо спросила, кивнув на пустующее кресло:

— А та женщина, что стояла у входа, — кто она?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю. Мы как вошли — она сразу ушла. Может, ведущая?

Она не договорила, потому что в этот момент тишина в шатре стала абсолютной. Все головы повернулись к дальнему концу стола.

Седовласая женщина стояла у резного кресла — просто оказалась там, словно материализовалась из воздуха, из самого дерева. Её платье было белым, но вышивка — густая, вьющаяся, покрывающая рукава и грудь красными нитями, сплетёнными в древние символы.

Она не улыбалась. Взгляд её — спокойный, тяжёлый, почти осязаемый — прошёл по каждому лицу за столом. Я почувствовала, как он коснулся меня, скользнул по моей светлой пряди, по рукаву, закрывающему запястье. И замер.

— Добро пожаловать, — произнесла она низким, ровным голосом. — Меня зовут Рада. Я хранительница этого места и ваша проводница в ближайшие дни. — Она сделала паузу. — Вижу, сегодня у нас много новых лиц. Много тех, кто впервые переступил порог нашего содружества.

Её губы тронула лёгкая улыбка.

— Не бойтесь. Здесь каждый проходит свой путь и получает то, за чем пришёл. Даже если пока не знает, что именно искал. Но я работаю с женской энергией, а мой друг… — она сделала плавный жест, и полог шатра колыхнулся.

Внутрь вошёл мужчина с аккуратной бородкой и внима-

тельными глазами. На нём была белая льняная рубаха, и по вороту, рукавам и поясу вилась та же вышивка, что и на платье Рады.

— Он будет работать с сильной половиной лагеря, — закончила она.

Мужчина поклонился, неторопливо оглядел сидящих и сел рядом с ней. Их фигуры — два тёмных силуэта на фоне светлого шатра — казались завершением древней, отрепетированной картины.

— Сегодня у вас свободный день, — голос Рады поплыл над столами, мягкий и вязкий. — Гуляйте, знакомьтесь, дышите, чувствуйте этот лес и эту реку. А вечером, на закате, мы проведём первый ритуал у костра.

Она сделала приглашающий жест:

— А теперь отведайте то, что приготовила для вас наша земля. Здесь всё выращено с любовью и благодарностью.

И обед начался.

Еда оказалась невероятной. Свежий, ещё тёплый хлеб с хрустящей корочкой рассыпался во рту, мясо, томлёное на углях, таяло на языке, оставляя лёгкий дымный шлейф. Я поймала себя на том, что ем слишком быстро, слишком жадно — организм требовал своё после долгой дороги и нервного напряжения.

В шатре стояла тишина, нарушаемая лишь мягким звоном ложек. Люди ели сосредоточенно, почти медитативно, будто сам процесс приёма пищи был частью ритуала.

— Меня, кстати, Лена зовут. А это Аня, — раздалось рядом.

Я подняла глаза. Та самая запыхавшаяся девушка, что ворвалась в шатёр, теперь сидела, расправив плечи, и улыбалась нам с Инной. Её подруга — Аня — молчала, опустив взгляд в тарелку, и нервно теребила пальцами тонкую цепочку с крестиком на шее.

— Я Инна, а это моя подруга Ева, — отозвалась подруга с привычной лёгкостью. — Вы откуда?

— Я из Перми, а Аня из Омска. Мы в одной машине ехали, вот и познакомились. Только она очень стесняется, — Лена понизила голос и покосилась на подругу. — Говорит, не нравится ей здесь. Всё какое-то ненастоящее.

Аня дёрнула плечом, но не подняла глаз, а Инна рассмеялась — тихо, но искренне:

— Понимаем. У нас с Евой те же ощущения.

Лена согласно закивала, и на миг, между нами четырьмя возникло то особое, молчаливое понимание, которое объединяет новичков в чужом пространстве. Мы были здесь чужими. И это почему-то успокаивало.

— Так ты говоришь, тебя друг сюда позвал? — Инна подалась вперёд. — Он тут не первый раз?

Лена кивнула и махнула рукой куда-то в сторону.

— Ага, вон он, за соседним столом. Мы старые друзья. Он подарил мне путёвку на день рождения — сказал: «Ленка, тебе это нужно». И вот я тут.

Я проследила за её взглядом. Кудрявый парень в белой рубахе, чуть старше нас, поймав взгляд Лены, тепло улыбнулся и кивнул. В этой улыбке не было ничего нарочитого — только дружеская узнаваемость.

От этих слов внутри кольнуло, но не тревогой, а облегчением. Значит, в этом лагере есть те, кто уже здесь бывал. Те, кто знает правила. Даже если мы не знакомы, само их присутствие создавало иллюзию безопасности.

— А вы? — Лена перевела взгляд на нас. — Дорого сюда путёвка стоит?

Инна усмехнулась, откидываясь на лавке.

— Бесплатно. Мы в конкурсе выиграли!

Но реакция оказалась неожиданной. Аня, которая до этого не поднимала взгляда от тарелки, резко вскинула голову. В её светлых глазах мелькнула тревога.

— Вы тоже? — спросила она почти шёпотом.

— В каком смысле — тоже? — осторожно спросила я.

Аня сжала пальцами свою косу, цвета пшеницы и её голос задрожал:

— Я прошла по программе для сирот. Тоже выиграла. Но я думала… думала, что победитель только один.

— Мы не по программе, — растерянно заморгала Инна. — У них на сайте обычный конкурс был. Для всех.

Повисла пауза. Такая плотная, что даже звон ложек вокруг словно стих. Я смотрела на Аню, на её бледное лицо, на дрожащие пальцы, и внутри медленно разрасталось зна-

комое чувство.

— И вам не кажется это странным? — спросила я, стараясь говорить ровно. — Мы все сюда приехали, не потратив ни копейки…

— Неа! — Лена беззаботно махнула рукой, откусывая от яблока. Хруст прозвучал вызывающе громко. — Игорь говорит, новички часто приезжают бесплатно. Это маркетинговый ход. Потому что все, кто здесь был, возвращаются и потом не жалеют денег, чтобы снова побывать.

Она говорила легко, уверенно, и в её словах была своя логика. Маркетинг. Бесплатный сыр. Приманка, на которую клюют, чтобы потом платить.

Я посмотрела на Игоря. Он всё ещё сидел за соседним столом, теперь уже смеясь чему-то с соседом. Беззаботный, расслабленный. Свой.

— Возвращаются, — тихо повторила я, пробуя слово на вкус.

— Боже, я объелась! — Инна откинулась на лавке, поглаживая живот. — Может, прогуляемся все вместе? Нужно сжечь калории, пока они не отложились на боках.

— Отличная идея! — Лена тут же подхватилась. — Ань, ты идёшь?

Аня молча кивнула, взяла со стола яблоко и зажала его в ладони, словно ища хоть какую-то опору. Мы все вместе поднялись из-за стола и пошли в сторону выхода.

И, как ни странно, мне стало легче. Обычно я избегала

новых знакомств, но сейчас, в этом отлаженном, как часы, пространстве, где всё было чужим, присутствие Лены и Ани действовало как якорь. Мы были на одной стороне. Мы были *«новичками»*. Это объединяло.

Мы вышли из шатра, и тёплый воздух окутал нас, смешивая запахи леса, реки и полевых трав. Инна уже открыла рот, чтобы что-то предложить, как вдруг к нам быстрым шагом приблизилась фигура в белом.

Алёна.

Она выглядела иначе — не было той плавной, уверенной мягкости. Шла слишком быстро, чуть сбивчиво, и когда остановилась напротив меня, в её глазах читалась непривычная растерянность.

— Ева? — голос прозвучал неуверенно, почти виновато. — Могу ли я тебя отвлечь на пару минут?

Я переглянулась с Инной. Та приподняла бровь, но промолчала. Лена и Аня тоже замерли.

— Да, — ответила я осторожно. — А что случилось?

Алёна сцепила руки перед собой — почти детский, защитный жест.

— Это насчёт утреннего недоразумения. Рада хочет тебя видеть. Лично.

Внутри шевельнулся холодок. Рада. Та самая женщина в красной вышивке, чей взгляд ощущался почти физически.

— Хорошо. Я подойду.

— Я провожу, — быстро сказала она.

Я повернулась к Инне. Она коротко кивнула: «иди, я прикрою».

— Мы тут погуляем, — добавила Лена. — Встретимся позже?

— Да, конечно.

Мы с Алёной двинулись прочь от шатра. Она шла быстро и то и дело бросала на меня короткие взгляды.

— Ты только не думай ничего плохого, ладно? Просто… Рада очень внимательна к новичкам. Особенно к тем, у кого есть… особенности.

Я промолчала. Особенности. Витилиго. Белая прядь. Всё то, что я так тщательно прятала годами и что здесь, кажется, было видно всем.

Мы свернули на узкую тропинку, уходящую к лесу, туда, где стоял тот самый резной дом. Там, за его стенами, меня ждала Рада.

Женщина появилась на пороге, как только мы подошли. Она улыбнулась — не дежурно, а тепло, почти матерински, и у меня защипало в уголках глаз.

— Здравствуй, дитя, — произнесла она мягко.

Алёна, повинуясь её короткому кивку, бесшумно удалилась.

— Прогуляемся? — предложила Рада, и я пошла рядом с ней по краю поляны, вдоль кромки леса. Её спокойный ритм невольно передавался мне, успокаивая сбитое дыхание.

— Я хотела извиниться за недоразумение с твоими веща-

ми. Вот, держи.

Она протянула знакомый холщовый мешочек. Мои кремы. Моя защита. Я сжала ткань в пальцах, и внутри что-то разжалось.

— Спасибо.

— Также я распорядилась, чтобы твоё платье было с закрытыми руками. — Она смотрела на меня без давления. — Ева, здесь мы заботимся друг о друге. Я ощущаю твою тревогу и хочу, чтобы ты чувствовала себя в безопасности.

Её слова ложились на плечи, как тёплое одеяло. Она взяла мою руку и бережно провела пальцами по белому пятну на запястье.

— Эти узоры — часть тебя. А ты её так сильно отвергаешь…

— Я не отвергаю, — прошептала я. — Просто… так легче.

— Легче — не значит правильнее. Здесь ты можешь попробовать по-другому. Здесь спросят «что ты чувствуешь», а не «что с тобой».

Она отпустила мою руку, но тепло ещё долго держалось на коже. Мы пошли дальше. Где-то вдалеке послышался смех Инны, и я поняла, что этот звук успокаивает.

— Твоя подруга очень яркая. Она тебя бережёт?

— Мы друг друга.

— Это хорошо. Здесь важно иметь рядом тех, кому доверяешь.

Мы вышли на пригорок, откуда открывался вид на реку.

Солнце играло на воде тысячами искр. Рада остановилась и посмотрела мне прямо в глаза — без давящей силы, только с теплом.

— Я не буду тебя ни в чём убеждать. Просто позволь себе быть здесь по-настоящему. Хотя бы в эти дни.

Она улыбнулась и развернулась к дому.

— Иди к подругам. Вечером увидимся у костра.

Я пошла, сжимая в руке мешочек. Внутри что-то сдвинулось — совсем чуть-чуть, как тектоническая плита перед землетрясением.

Девочки уже сидели на подушках под раскидистым деревом. Лена что-то оживлённо рассказывала, Аня умиротворённо рассматривала поляну, а Инна полулежала и лениво жевала травинку. Заметив меня, все трое встрепенулись.

— Ну что? — Лена подалась вперёд, завязывая длинные, каштановые волосы в пучок. — Что она хотела?

Я молча протянула мешочек. Инна сразу поняла.

— Вернули? — приподняла бровь.

— Угу, — кивнула я, опускаясь на подушки.

— Что это? — тихо спросила Аня.

— Лекарства, — жёстко оборвала Инна, и её тон не оставлял места для расспросов.

Аня опустила глаза. Лена тактично сменила тему:

— Ладно, чем займёмся? У нас до вечера куча времени! Спать не хочется, по домикам сидеть скучно.

— Купаться нельзя, в лес без спросу не сунешься, — по-

жала я плечами. — Остаётся либо изучать территорию, либо плести веночки.

— Тогда к реке? — оживилась Лена. — Просто посидеть у воды. Это же не запрещено?

Мы переглянулись и двинулись по тропинке, на несколько минут оставшись одними — без белых платьев, без пристальных взглядов, просто четыре девушки, держащиеся друг за друга, как за спасательный круг.

— Слушайте, — вдруг сказала Лена, оборачиваясь. — А вам не кажется, что мы слишком быстро сдружились? Я обычно долго притираюсь, а тут будто век знакомы.

— Может, здесь просто воздух такой, — ответила я.

Инна фыркнула, но без насмешки — только с усталым согласием.

Мы вышли к Усьве — тёмной, быстрой, с холодным блеском на изгибах. Маленький песчаный пятачок, скрытый от лагеря.

— Идеальное место, — Лена плюхнулась прямо на песок. — Давайте посидим. Хоть здесь без присмотра.

Инна закатала рукава, подставляя руки солнцу. Аня сидела, обхватив колени, и смотрела на воду.

— Всё в порядке? — спросила я её осторожно.

Она подняла глаза. Пальцы снова потянулись к крестику.

— Не знаю. У меня просто нехорошее предчувствие.

— Это адаптация, — тут же отозвалась Лена. — Мне тоже сначала не понравилось.

— Да, — поддержала я. — У нас с Инной было так же. Может, просто нужно чуть больше времени?

Аня покачала головой:

— Дело не в этом. Это место чужое для меня. Я христианка. А здесь всё пропитано… другим. Я чувствую это кожей. Когда мы вошли в шатёр, мне показалось, что я переступила порог чего-то не нашего.

Мы молчали. Слова повисли в воздухе тяжёлые, как намокшая ткань.

— Моя бабушка всегда говорила: «Чужую душу не примеришь, чужую веру не пригубишь», — прошептала Аня. — А здесь всё так перемешано. Я не знаю, где заканчивается игра и начинается что-то настоящее.

Лена вдруг протянула руку и накрыла ладонь Ани.

— Ты не обязана участвовать в том, что тебе противно. Мы просто будем вместе. Если станет невмоготу — уедем. Нас четверо, не одна.

Аня подняла глаза, и в них блеснула влага.

— Правда?

— Правда, — ответила я.

Инна кивнула и откинулась назад, глядя в небо.

— Четверо — это уже сила. Особенно если одна из нас — я, — добавила она с кривой усмешкой, и мы невольно рассмеялись — даже Аня, сквозь слёзы.

Река шумела, ветер шевелил волосы, а где-то в лагере уже готовились к вечернему костру. Мы сидели на своём малень-

ком пятачке, четыре девушки, такие разные, и впервые за долгое время я подумала: может, это место не только про страх. Может, оно про встречу. С другими. И с собой.

Глава третья

Вечер наступил незаметно — так бывает только в лесу, когда солнце ещё мгновение назад стояло высоко, и вдруг поляна наливается густым персиковым светом, тени вытягиваются, а воздух становится плотным и прохладным.

Мы быстро приняли душ, смывая дневную усталость и песок с речного берега. Когда я вышла из душевой, на кровати меня ждал сюрприз.

Рядом со стандартным белым сарафаном, который был у всех, лежал другой — такой же светлый, из той же льняной ткани, но с длинными, свободными рукавами. Они ниспадали мягкими волнами, закрывая руки до самых запястий. Рада не обманула. И, что важнее, она оставила выбор. Я могла надеть обычное платье, как все, или это — с защитой.

— Ого, — Инна выглянула из-за моей спины, вытирая мокрые волосы полотенцем. — А она действительно сдержала слово. Смотри, даже красиво, не похоже на больничное.

Я провела пальцами по мягкой ткани. Рукава были лёгкими, почти невесомыми, и в то же время дарили то самое чувство безопасности, к которому я привыкла.

— Знаешь, — продолжила она, усаживаясь на свою кровать и начиная распутывать волосы, — мне кажется, они правда стараются. Не для галочки, а по-настоящему. Может, мы зря себя накрутили?

Я не ответила. Просто надела платье с длинными рукавами. Впервые за долгое время — не в качестве брони, а как подарок.

Колокол позвал нас на ужин, и мы быстро поели — на этот раз почти молча, усталость дня давала о себе знать. Лена успела перекинуться парой фраз с Игорем, Аня сидела рядом со мной и, кажется, чуть расслабилась.

Когда мы вышли из шатра, воздух уже наполнился сумерками. И там, на общей поляне, нас ждал костёр.

Огромный. Выше человеческого роста. Языки пламени взмывали в тёмнеющее небо, выплёвывая снопы искр, и казалось, что сам воздух вокруг него дрожит и плавится. Вокруг уже собирались люди — девушки, мужчины, и на фоне огня они казались почти призрачными.

Организаторы встречали нас у костра, протягивая венки из полевых цветов. Я взяла свой — ромашки, васильки, какие-то тонкие травинки, переплетённые с красной нитью. Инна надела венок сразу, поправив его чуть набок, как корону.

— Очуметь! — выдохнула Лена, застыв напротив костра. В её глазах плясали отблески пламени. — Через такой костёр я не перепрыгну… Ни за что!

Мы дружно рассмеялись — громче, чем следовало, может быть, от нервов, может быть, от облегчения. Кто-то из организаторов, проходя мимо, тоже улыбнулся нашим словам.

— До Купалы ещё неделя, — заметила Рада, появляясь

рядом неслышно, как тень. — Сегодня просто знакомство. Огонь, венки, мы. Без прыжков, обещаю.

Она улыбнулась нам — всем четверым сразу — и двинулась дальше, к другим гостям.

— Ну, — Инна взяла меня за руку и потянула ближе к огню, — идём знакомиться с огнём?

Я сделала шаг вперёд. Тепло коснулось щёк, и впервые за весь день я почувствовала, что внутренний холод начинает понемногу таять.

Аня стояла чуть поодаль, но не пряталась. Лена уже с кем-то болтала, размахивая венком. Инна рядом со мной смотрела на огонь, и её лицо в этом свете казалось почти неземным.

— Знаешь, — тихо сказала я, глядя в пламя. — Может, ты и права. Может, нам просто нужно было дать этому месту шанс.

Инна повернулась ко мне и улыбнулась — светло, тепло, без тени иронии.

— Я всегда права. Ты просто привыкла долго проверять.

Вечер только начинался. И впервые за долгое время я не хотела его останавливать.

Вдруг снова зазвучал колокольчик — тонко, серебристо, прорезая треск костра и приглушённый гул голосов. Все головы повернулись к центру поляны, где стояла Рада. В свете пламени её фигура казалась вырезанной из янтаря — тёплая, светящаяся, почти нереальная.

Организаторы тут же задвигались, бесшумно и слаженно,

раскладывая перед костром пёстрые подушки с кистями по углам. Люди начали рассаживаться, образуя полукруг у самого огня.

Алёна неслышно подошла к нам — мы даже не заметили, как она оказалась рядом.

— Девочки, садитесь в первые ряды, — торопливо зашептала она, мягко подталкивая нас в сторону подушек. — Вы новенькие, для вас сейчас будет речь. Это важно.

Мы переглянулись и послушно двинулись вперёд. Я села, подобрав под себя ноги, и тут же почувствовала жар огня на лице. Инна устроилась рядом, Лена и Аня — чуть позади.

Рада опустилась на подушку напротив нас, спиной к костру, так что пламя очерчивало её силуэт светящимся ореолом. Все затихли.

— Что ж, вот и настал вечер, — начала она, и голос её разносился над поляной, будто сам воздух нёс его. — То время, когда мы можем обнажить все свои тайные желания, все свои страхи и чувства.

Инна рядом чуть подалась вперёд.

— Сегодня мы стоим на древней, пермской земле. На земле, где камень — это не холод, а память.

Мы с девочками переглянулись. В свете костра лица казались чужими, но в глазах читалось одно и то же: слушай. Слушай внимательно.

— Перед нами — Каменный город. Его называют застывшим городом. Но я называю его телом Матери. Посмотрите

на эти каменные улицы. Это её рёбра. Её ладони. Её морщины времени.

Она обвела рукой горизонт, туда, где в темноте угадывались скалистые очертания.

— Она не мертва. Она ждёт прикосновения.

Ветер колыхнул пламя, и тени заметались по лицам сидящих.

— В эту ночь, когда огонь встречается с водой, мы не просим — мы возвращаемся.

Рада замолчала, прикрыв глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. В этой тишине я вдруг отчётливо услышала реку — её ровное, мощное дыхание за спиной.

— Слушайте… Это течёт Усьва. Её вода холодная, как рука, что остужает лоб ребёнка. Она знает, как забрать боль. Как унести старые клятвы. Как смыть имя, которое вам больше не подходит. Здесь, среди камней и тумана, стоят Усьвинские столбы — как древние матери, высокие, молчаливые, терпеливые. Они не судят. Они видят.

Рада открыла глаза и посмотрела прямо на нас — на первый ряд, на новеньких.

— Ночь Ивана Купалы — это не только про страсть огня. Это про утробу воды. Про возвращение в тёмное, чтобы родиться заново. Если в вас есть усталость — земля примет её. Если в вас есть страх — река унесёт его. Если в вас есть желание родиться иначе — огонь осветит дорогу.

Она сделала паузу, и мне показалось, что даже костёр пе-

рестал трещать, боясь нарушить эту тишину.

— Закройте глаза.

Я послушалась. Сквозь сомкнутые веки пробивался тёплый свет костра, пляшущий, живой.

— Почувствуйте стопами камень. Почувствуйте, как он держит. Как он говорит: «Ты не одна».

И вдруг — странное, невозможное ощущение. Земля подо мной будто и правда стала тёплой, живой.

— Сегодня вы не ищете силу. Вы вспоминаете её. Вы — не гостьи этой земли. Вы — её продолжение.

Голос Рады плыл где-то надо мной, и я поймала себя на том, что дышу в такт её словам.

— И если в эту ночь ветер коснётся вашего лица, знайте — это Мать касается вас. Она помнит ваше настоящее имя. И если вы готовы, она прошепчет его.

Я открыла глаза. Костёр горел всё так же ярко, люди сидели не шелохнувшись. Рада смотрела на нас — на всех сразу и на каждую отдельно — и улыбалась той самой тёплой улыбкой.

— А теперь, — сказала она тихо, — идите к огню. Каждая. Побудьте с ним наедине. Он ждёт.

Люди начали медленно подниматься, подходить к костру, бросать в пламя веточки, травы, что-то шептать.

Я осталась сидеть. Инна тронула меня за плечо:

— Пойдёшь?

— Сейчас, — ответила я, глядя в огонь.

В руке у меня всё ещё была та веточка, которую я подобрала днём у реки. Я сжала её в пальцах, чувствуя, как кора впивается в кожу.

— Настоящее имя, — прошептала я одними губами.

И поднялась, чтобы подойти к огню.

Я словно под гипнозом подошла к костру и кинула веточку в пламя. Она вспыхнула мгновенно, и искры взметнулись вверх, смешиваясь с ночным небом.

— Ну вот и всё… — тихо прошептала подруга, стоя рядом.

Я покосилась на неё. Она смотрела на огонь не отрываясь, и пламя отражалось в её глазах, плясало, жило. На секунду мне стало не по себе — в ней будто что-то незаметно переменилось, какая-то неуловимая тень скользнула по лицу. Я отогнала это чувство.

— Вы слышали? — Лена ворвалась в наш маленький круг, сияющая. — Духи шепчутся!

Она произнесла это шутливо, почти пародийно, и мы тут же улыбнулись, выдыхая.

Я оглянулась и вдруг заметила, что нас только трое.

— А где Аня?

— Она пошла за напитками, — Лена махнула рукой в сторону столов у шатра. — Сказала, сейчас вернётся.

Инна тут же встрепенулась, схватила меня за руку.

— Пошли! — она потянула меня за собой. — Жутко хочу пить. Весь день на солнце, а теперь ещё и у костра — я скоро

сама как головешка буду.

Я дала себя увести, но на полпути обернулась. Ани не было видно. Только белые фигуры у огня, тени, пляшущие в свете пламени, и чей-то тихий смех, растворённый в ночи.

Стол с напитками стоял чуть поодаль, уставленный кувшинами и мисками с ягодами. Инна уже наливала себе компот, когда я подошла ближе и огляделась.

— Аня? — позвала я негромко.

Никто не отозвался.

— Может, она уже вернулась к костру? — предположила Лена, появляясь рядом с кружкой в руке.

Мы переглянулись. Что-то кольнуло внутри — лёгкое, почти незаметное, как укус комара. Я оглянулась на поляну. Белые фигуры кружились у огня, кто-то водил хоровод, кто-то сидел на подушках. Ани не было.

— Пойдём поищем, — сказала я, и голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

Мы двинулись обратно, вглядываясь в лица, в белые сарафаны, в тени между деревьями.

Но ночь молчала. И где-то вдалеке, за костром, за смехом, за голосами, река всё так же несла свои тёмные воды, равнодушная к нашим маленьким тревогам.

Я интуитивно пошла к реке. Её тихую, сжатую фигуру невозможно было не заметить среди этих расслабленных, улыбающихся людей.

Подойдя чуть ближе к берегу, я увидела силуэт у самой

воды. Белое платье светилось в темноте, а тёмная река делала его почти призрачным.

— Аня! — крикнула я, но шум воды перебил мой голос, бросил его обратно. — Эй!

Я почти побежала, спотыкаясь о корни и камни, и когда оказалась совсем рядом, она наконец обернулась.

— Мы тебя потеряли, — выдохнула я, останавливаясь в паре шагов. Сердце гулко билось в груди. — Ты почему ушла?

Аня смотрела на меня, но, кажется, не видела. Её взгляд был обращён внутрь, в какую-то свою глубину, откуда не хотелось возвращаться.

— Мне здесь не место, — произнесла она тихо, почти неслышно за речным гулом, и снова уставилась в бурлящую воду.

Я сделала шаг вперёд и положила ладонь ей на плечо. Пальцы ощутили дрожь — то ли от холода, то ли от страха.

— На, возьми, — я протянула стакан с компотом, который всё это время сжимала в другой руке.

Аня перевела взгляд на стакан, потом на меня. В её глазах блеснуло что-то — может, удивление, может, благодарность.

— Ты за мной пошла, — сказала она не спрашивая, а утверждая.

— Конечно, — ответила я просто. — Мы же вместе.

Она взяла стакан, и её пальцы коснулись моих — ледяные, даже холоднее речной воды.

— Здесь красиво, — вдруг сказала она, глядя на реку. — Но страшно. По-настоящему страшно. Не так, как в городе ночью. По-другому.

— Я знаю, — ответила я, садясь на траву рядом и жестом приглашая её последовать моему примеру. — Сядь. Не стой над водой.

Аня послушно опустилась рядом, и мы замерли вдвоём, глядя на тёмную воду. Где-то за спиной слышались голоса, смех, треск костра — но здесь, у реки, был свой, отдельный мир.

— Ты веришь в то, что она говорила? — спросила Аня тихо. — Про Мать, про камень, про воду?

— Не знаю, — честно ответила я. — Но в этом что-то есть. Какое-то… старое как мир. Будто воздух здесь другой.

— Я чувствую, — Аня сжала стакан двумя руками. — В церкви тоже иногда такое бывает. Особенно когда мало людей. Чувство, что ты не одна. Что кто-то смотрит. Но там — это свет. А здесь… не знаю. Тьма, но не злая. Просто древняя.

Мы помолчали. Река шумела, унося куда-то наши слова, наши страхи, наши маленькие признания.

— Я не буду прыгать через костёр, — вдруг твёрдо сказала Аня. — Даже если через неделю. Даже если все будут.

— И не надо, — ответила я. — Ты вообще можешь ничего не делать. Просто быть.

Она повернулась ко мне, и в её глазах впервые за весь день

появилось что-то похожее на улыбку.

— Спасибо, — прошептала она.

Где-то на поляне заиграла музыка — тихая, струнная, печальная. Аня допила компот и поставила стакан на камень.

— Пойдём? — спросила она.

— Пойдём, — поднялась я и протянула ей руку.

Мы пошли обратно, к костру, к людям, к теплу. И, оглянувшись в последний раз, я увидела, как река несёт свои воды — тёмные, бесконечные, равнодушные.

Инна встретила нас встревоженным взглядом, но, увидев, что мы обе целы, облегчённо выдохнула. Лена махнула рукой, зовя к костру.

— Всё хорошо? — спросила Инна тихо, когда я поравнялась с ней.

— Да, — ответила я. — Просто Ане нужно было подышать.

Подруга понимающе кивнула и взяла меня под руку. Мы встали поодаль от группы людей у костра, и я поймала взгляд Рады — она смотрела на нас, на всех четверых, и в её глазах было что-то… *удовлетворение? Или мне показалось?*

Вдруг послышались звуки — глухие, ритмичные, будто кто-то бил палками по старой дубовой бочке, но быстрее, задорнее, заставляя сердце подстраиваться под этот первобытный пульс. А следом — голос. Одна из девушек, стоявших у костра, запрокинула голову и залилась высоким, пронзительным пением, без слов, одним только звуком, от которого

по коже побежали мурашки. И другие подхватили, вплетая свои голоса в этот древний, тягучий напев.

Всё звучало в славянских мотивах — тех самых, что, кажется, живут в крови у каждого, даже если ты слышишь их впервые.

Девушки в белых платьях начали кружиться вокруг костра, плавно, но в такт ударам, а в руках у некоторых появились бубны, и каждый удар отдавался где-то в груди, в самой середине.

Это было настолько неожиданно и одновременно завораживающе, что я, кажется, открыла рот. Просто стояла и смотрела, не в силах отвести взгляд.

— Пробуди свой род, разбуди себя… — запели девушки, и слова эти, простые и странные, вплетались в музыку, становились ею. А мужчины, стоявшие по кругу, отзывались низким, грудным «эх!», и от этого *«эх»* воздух вокруг будто сгущался, наполняясь чем-то первобытным.

— Сума сойти… — выдохнула Инна рядом.

Я повернулась к ней. Её глаза горели, отражая пламя, а на лице расплылась широкая, почти детская улыбка. Она смотрела на этот хоровод так, будто видела нечто давно знакомое, родное.

— Ага… — выдохнула я и сама не заметила, как губы растянулись в ответной улыбке.

Внутри, в такт ударам бубна, поднялось лёгкое, пьянящее чувство — не страх, не тревога, а что-то другое, похожее на

эйфорию. Словно воздух вокруг стал сладким и плотным, и я сделала глоток, и он ударил в голову, закружил.

— Мне это не снится? — прошептала Лена, и в её голосе слышалось то же изумление, что и у нас.

— Бежим! — вдруг крикнула Инна и, схватив меня за руку, рванула вперёд, прямо в круговорот белых платьев и пляшущих теней.

Я не думала. Просто побежала за ней, и когда мы ворвались в хоровод, когда горячий воздух костра ударил в лицо, а руки других девушек сомкнулись с нашими, я засмеялась. Звонко, нелепо, счастливо. И закружилась.

Всё вокруг потеряло значение — только ритм, только огонь, только мелькающие лица, только смех, вырывающийся из груди. Я кружилась, и платье моё взлетало, и рукава развевались, открывая бледные запястья, и мне было всё равно, кто смотрит, кто видит.

Лена влетела следом, таща за собой упирающуюся сначала, но потом тоже рассмеявшуюся Аню. И мы вчетвером — Инна, я, Лена, Аня — закружились в этом бешеном, радостном хороводе, смеясь и запрокидывая головы к звёздному небу.

Музыка несла нас, и мы плыли в ней, как щепки в речном потоке, и это было прекрасно.

На миг я поймала взгляд Рады — она стояла чуть поодаль, сложив руки на груди, и смотрела на нас. И в её глазах, подсвеченных огнём, мне почудилась всё та же материнская

улыбка.

А потом хоровод закружил меня снова, и я перестала думать. Просто была. Просто чувствовала. Просто жила.

На мгновение мне показалось, что я пьяна. Я смеялась без причины, подпевала девушкам, выкрикивая незнакомые слова, и просто радовалась. По-детски. Так, когда родители уходили, а ты остаёшься перед телевизором, подпеваешь любимому исполнителю и представляешь себя на сцене, забывая обо всём на свете.

Когда усталость начала валить с ног, мы с девочками просто плюхнулись на ровный газон, прямо на траву, не думая о белых платьях, о том, что можно испачкаться. Раскинули руки и уставились в небо. Звёзд было много. Невероятно много. В городе такого неба не бывает — там всегда что-то мешает, фонари, окна, вечный свет. А здесь — только чёрный бархат и россыпи бриллиантов, и Млечный Путь, разлитый, как молоко.

Я поймала себя на мысли, что так хорошо мне не было, наверное, никогда. Или очень давно. Так давно, что я уже забыла это чувство.

— Аня… — начала я, повернув голову в её сторону.

— М? — отозвалась она, не меняя позы, глядя в звёзды.

— Тебе уже лучше? — спросила я тихо.

И вдруг она рассмеялась. Звонко, легко, как смеются дети, когда им щекотно. Я приподнялась на локте, глядя на неё. Это было так странно — ведь буквально час назад в её гла-

зах стоял ужас, она дрожала у реки, сжимала крестик, говорила, что это место чужое. А сейчас — смеётся. Беззаботно, от души.

Лена тоже начала смеяться — в такт Ане, подхватила, будто эстафету. Они лежали рядом и хохотали, глядя в небо, и смех их разносился над поляной, смешиваясь с треском костра.

Я села. Внимательно посмотрела на них. Потом на Инну, которая всё ещё лежала, раскинув руки, с блаженной улыбкой на лице.

— Нам что-то подсыпали, — сказала я. Голос прозвучал слишком трезво на фоне этого смеха.

Девочки захохотали ещё громче.

— Чего? — Инна приоткрыла один глаз, лениво поворачивая голову.

— Или компот был алкогольный, — продолжила я, чувствуя, как внутри начинает разрастаться озноб. — Я странно себя ощущаю. Слишком… легко. Слишком хорошо. Так не бывает.

— Ой, Ева, — протянула Инна, снова закрывая глаза и довольно потягиваясь. — Расслабься уже. Иногда хорошо бывает просто так. Без подвоха.

— Ну ты, подруга, умеешь загнаться и испортить момент, — подхватила Лена сквозь смех, но в её голосе не было обиды, только весёлая усталость.

Аня всё смеялась, запрокинув голову, и в свете костра

я вдруг заметила, что глаза у неё какие-то… пустые. Смех есть, а глаз нет. Будто она смеётся не потому, что весело, а потому, что не может остановиться.

Я перевела взгляд на Инну. Она лежала совершенно расслабленная, беззаботная, и впервые за долгое время на её лице не было ни тени тревоги. Слишком беззаботная. Слишком расслабленная.

— Инна, — позвала я тихо, почти шёпотом. — Ты как?

— М-м-м? — промычала она, не открывая глаз. — Хорошо. Очень хорошо. Лежи, не дёргайся.

— Посмотри на них, — я кивнула на Лену с Аней, которые уже начали тихонько покачиваться в такт далёкой музыке, не в силах остановиться.

Инна лениво приоткрыла глаза, глянула и снова закрыла.

— Веселятся девчонки. И правильно. Отдыхай, всё же хорошо.

Всё хорошо. Эти слова отозвались во мне глухой тревогой. Для неё — хорошо. Для них всех — хорошо. Только я сижу здесь, на траве, и чувствую, как внутри поднимается ледяная волна.

— Надо возвращаться в домик, — твёрдо сказала я, поднимаясь на ноги.

Инна лишь отмахнулась, не открывая глаз.

— Иди, если хочешь. Я ещё полежу.

Я наклонилась над Аней, которая всё ещё тихонько посмеивалась, глядя в небо.

— Ань, пойдём. Пойдём спать.

Она посмотрела на меня, и в её глазах на миг мелькнуло что-то осмысленное.

— Да, — сказала она тихо, и смех наконец стих. — Пойдём.

Я подхватила её под руку, помогая подняться. Лена осталась лежать рядом с Инной, всё ещё улыбаясь звёздам.

— Мы в домик, — бросила я подруге. — Ты как хочешь.

— Ага, — отозвалась она сонно. — Я скоро.

Я повела Аню по тропинке, оглядываясь на поляну. Костёр всё горел, люди всё пели и плясали, и только я одна чувствовала, что, что-то не так.

Я смутно помню, как добралась до кровати. Помню, как упала на неё, даже не раздеваясь, — и провалилась в чёрную, глухую пустоту без снов, без мыслей, без времени.

Проснулась я от странного ощущения — будто внутри пересохло, а голова была ватной, но при этом чёткой. Слишком чёткой. Я села на кровати и огляделась.

Я лежала на заправленной кровати. Венок, который ещё вечером был на моей голове, валялся на полу, растоптанный, с осыпавшимися лепестками васильков. А когда я взглянула на свои ноги, меня передёрнуло — они были грязными. Следы земли, прилипшие травинки, тёмные разводы на щиколотках. *Я ходила босиком?* Я не помнила.

Инна спала на соседней кровати. Животом вниз, раскинув руки, уткнувшись лицом в подушку. Она дышала так глу-

боко и сладко, что тонкая ниточка слюны стекала из приоткрытого рта прямо на белоснежную наволочку. Вид был таким безмятежным, почти детским, что я невольно задержала взгляд.

Ощущение, что нас опоили, всё ещё сидело где-то под ложечкой. Тяжелое, липкое, настойчивое. *Но почему это заметила только я?* Инна спала как младенец, Лена и Аня вчера смеялись до упаду и не видели в этом ничего странного.

Может, нам просто было хорошо? Может, девочки правы, и я действительно излишне тревожусь, ищу подвох там, где его нет? Может, это просто усталость, свежий воздух, эмоции?

Я тряхнула головой, отгоняя мысли, и встала. Ноги оставляли грязные следы на деревянном полу — пришлось быстро проскользнуть в душевую, пока не наследила по всему домику. Горячая вода немного привела в чувство, смыла остатки ночного кошмара — или ночного праздника. Я уже не знала, как это назвать.

Когда я вышла, завёрнутая в полотенце, колокол прозвенел снова. Уже два раза. Сигнал к подъёму.

— Эй, Спящая красавица, — я подошла к Инне и легонько толкнула её в плечо. — Вставай. Второй звонок уже был.

Инна что-то промычала, зарылась лицом в подушку глубже.

— Ну! Вставай уже!

Она приоткрыла один глаз, мутный, сонный, и уставилась

на меня без всякого выражения.

— Отстань, — прохрипела она и снова закрыла глаз.

— Не отстану. Колокол звонит, зарядка скоро. И вообще, нам нужно поговорить.

— О чём? — она перевернулась на спину, но глаза не открыла.

— О вчерашнем вечере. Ты помнишь, как мы вернулись?

Инна нахмурилась, потёрла лоб ладонью.

— Смутно, — призналась она наконец. — Помню костёр, музыку, смех… А дальше как в тумане. А что?

Я села на край её кровати, чувствуя, как внутри снова зашевелился ледяное предчувствие.

— А то, что я не помню, как легла. И ноги у меня были грязные. Я ходила босиком, но не помню этого.

Она приоткрыла глаза, теперь уже осмысленнее, и посмотрела на меня.

— Ева, — сказала она с лёгкой усталостью, — мы просто устали. Надышались воздухом, натанцевались. Всё нормально. Не начинай.

Я хотела возразить, но в этот момент колокол зазвонил в третий раз — настойчиво, требовательно.

— Ладно, — вздохнула я. — Вставай. Поговорим позже.

Инна с кряхтеньем поднялась и поплелась в душ, а я стояла у окна, глядя на залитую утренним солнцем поляну, и думала: почему я одна чувствую эту трещину в идеальной картинке? *Или трещина — только в моей голове?*

Присмотревшись, я заметила у нашей стеклянной двери свёрток. Квадратный, аккуратно упакованный в плотную бумагу, перевязанный холщовой верёвкой. Он лежал на пороге, будто подарок, оставленный ночными гостями.

Я приоткрыла дверь, и утренний воздух — свежий, прохладный, пахнущий росой и хвоей — ворвался внутрь. Я подхватила свёрток и вернулась в комнату. Верёвка развязалась легко, бумага с шуршанием разошлась, и я увидела записку, а под ней — два белых платья, идеально сложенных, будто в дорогом магазине.

Я развернула записку. Аккуратный, каллиграфический почерк:

«С добрым утром! Просим прибыть на зарядку по расписанию. В это время в вашей обители будет проведена уборка. Хорошего времяпровождения!»

Я перечитала два раза. Они всё предусмотрели. Даже то, что мы испачкаем платья. Даже то, что нам понадобятся чистые. Вся эта стерильность, эта продуманность до мелочей — напрягала.

— Что там? — окликнула меня Инна из душевой, высунув мокрую голову.

— На, возьми, — я протянула ей одно из платьев. — Это чистая одежда. Нам оставили у двери.

— О, супер! — Инна выхватила платье и тут же развернула его, прикладывая к себе. — А то я думала, придётся идти в своём. Ты посмотри!

Она подняла с пола свой вчерашний сарафан — вся спина и подол были в зелёных разводах травы и тёмных пятнах земли.

— Не удивительно, — задумчиво ответила я, глядя на испачканную ткань. — Мы вчера лежали на траве. И, кажется, не только лежали.

— Ладно, пошли на зарядку, — брякнула Инна, уже натягивая чистое платье через голову. — Мне уже дико хочется есть.

И в этот момент раздался резкий, глухой стук. Такой громкий, что я вздрогнула всем телом. Звук шёл со стороны окна, которое выходило на реку.

— Что это? — испуганно спросила Инна, застыв на месте.

Я быстрыми шагами подошла к окну и выглянула на террасу. Там, на деревянном настиле, лежала маленькая птица — кажется, зяблик или синица. Она была жива, но оглушена ударом: тельце подрагивало, лапки мелко сучили воздух, а глаза растерянно моргали, не понимая, что произошло. Видимо, врезалась в прозрачное стекло, приняв его за продолжение неба.

— Птица… — ответила я задумчиво, не отрывая взгляда от бьющегося на досках тельца.

И мысли снова охватили разум. Плохой знак. Очень плохой.

Глава четвертая

Я не долго думая открыла дверь и вышла на террасу, чтобы хоть как-то помочь бедному существу. Птица всё ещё лежала на досках, мелко подрагивая, и в её глазах застыло такое отчаянное непонимание, что у меня сжалось сердце.

— Дай мне что-нибудь! — крикнула я подруге, оглядываясь в поисках хоть какой-то ткани, коробки, чего угодно.

— Зачем? — Инна появилась в проёме, лениво жуя яблоко, которое откуда-то достала.

— Она оглушена, постараюсь помочь.

— Фу! — Инна скривилась, отодвигаясь подальше. — Оставь её, а лучше добей, чтобы не мучалась!

Я замерла и посмотрела на неё с таким возмущением, что она, кажется, даже опешила.

— Ты сейчас серьёзно?

— Ну а что ты сделаешь? — Она пожала плечами, стараясь казаться равнодушной, но в глазах мелькнула тень неуверенности. — Ты же не ветеринар. Только продлишь ей мучения.

— Не думала, что ты такая жестокая, — ответила я тихо и, отвернувшись, осторожно подхватила птицу ладонями.

Тельце было тёплым и лёгким, почти невесомым. Перья мягко щекотали кожу. Птица дёрнулась, но сил вырваться у неё не было.

— И куда ты её?

— Отнесу организаторам, — ответила я, уже шагая по террасе в сторону тропинки. — Они же просветлённые люди и любят природу. Может, помогут. А ты пока иди на зарядку, я позже подойду.

Инна хотела что-то сказать, но я уже спускалась по ступенькам, бережно прижимая птицу к груди. Солнце поднималось всё выше, золотя верхушки сосен, а я шла к главной поляне с одним желанием — успеть. Птица в моих руках слабо вздохнула, и я ускорила шаг.

Я так спешила, почти бежала и смотрела на маленькое существо в ладонях, что не заметила идущего навстречу парня. Мы столкнулись плечом к плечу, и я едва не выронила птицу.

— Аккуратнее! — недовольно произнёс он, отшатываясь.

Я подняла глаза. Брови его были сдвинуты, на лице читалось раздражение, но вдруг карие глаза сверкнули — не гневом, а чем-то другим, похожим на любопытство. Азарт, как у охотника, заметившего дичь.

— Простите… — выдохнула я и уже собралась двинуться дальше, к дому общины, как из-за спины донеслось:

— Что это у тебя?

Я остановилась. Голос был настойчивым, но не грубым. Обернувшись, я увидела, что он рассматривает мои ладони.

— Эээээ… Тут птичка врезалась в наше стекло, — ответила я робко, стараясь не встречаться с ним взглядом. — Хочу

помочь, отнести организаторам. Вдруг помогут?

Он не спеша подошёл ближе, склонился над моими руками. Птица слабо дышала, тельце вздымалось и опускалось, но глаза уже не были такими мутными.

— Плохая идея, — ухмыльнулся он, и в этой ухмылке мне почудилась насмешка. — Им точно не до твоей птицы. К тому же…

Он присмотрелся, наклонил голову, рассматривая тельце.

— Она скоро сама отойдёт. Крылья целы, ранений не вижу. Просто оглушена.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросила я, впервые поднимая на него глаза.

— Мой брат — орнитолог, — ответил он просто. — Я много раз видел, как он выхаживал больных птиц. Это не первый раз, когда я вижу пернатого пациента.

— И что же тогда делать? Просто оставить на земле? — растерянно спросила я, чувствуя, как внутри поднимается беспомощность.

Он вздохнул, и этот вздох был усталым, но не раздражённым.

— Ладно, — сказал он и махнул рукой в сторону леса. — Идём. Я поищу коробку, спрячем под деревом, чтобы животные не нашли её раньше, чем она придёт в себя.

— Ты правда думаешь, это сработает? — спросила я, уже делая шаг за ним.

— Лучше, чем нести её к этим, — он кивнул в сторону

главного дома. — Там только ритуалы и травяные сборы. А птице нужен покой, а не благовония.

Мы двинулись к опушке леса. Парень шёл быстро, уверенно, и я едва поспевала за ним, стараясь не трясти птицу. В какой-то момент он остановился, поднял с земли небольшую картонную коробку, валявшуюся под кустом — видимо, обёртка от каких-то припасов.

— Сойдёт, — кивнул он, вытряхивая из неё сухие листья.

Мы нашли укромное место под развесистой елью, где мягкий мох укрывал землю. Он аккуратно положил коробку на бок, а я опустила птицу внутрь. Она слабо шевельнулась, но осталась лежать.

— Теперь прикроем, — он наломил еловых лап и прикрыл ими вход в коробку, оставив щель для воздуха. — Через пару часов очнётся и улетит. Если, конечно, лисица не найдёт раньше.

— Спасибо… — выдохнула я и, выпрямившись, окинула его взглядом.

Он был в обуви — старых кедах, на которых темнели следы утренней росы. И чёрное худи, хотя солнце уже поднималось и обещало жаркий день. Постояльцы здесь обычно передвигались босиком по мягкому газону, не изменяя белой форме даже в ранние часы. А он явно не спешил переодеваться. Значит, тоже новичок.

— Ты тоже тут первый раз? — решила уточнить я, чувствуя, что с ним можно говорить проще, чем с этими улыб-

чивыми людьми в белом.

— Ага, — он усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой. — Брат отправил. Говорит, перезагрузка, новые впечатления… Но я не любитель таких мест, не мое это.

Я лишь кивнула, не зная, что ответить. Разговоры с мужчинами всегда давались мне тяжело — я никогда не умела поддерживать лёгкую беседу, находить нужные слова. В воздухе повисла неловкость, плотная и осязаемая, как утренний туман над рекой.

— Виктор, — отрубил он вдруг, нарушая тишину.

— Что? — растерялась я, выныривая из своих мыслей. — А, я Ева, — спохватилась я, чувствуя, как щёки заливает краской.

Он ухмыльнулся — но на этот раз ухмылка была доброй, без той колючей насмешки, что мелькнула в самом начале. Кивнул куда-то в сторону поляны, откуда уже доносились ритмичные звуки зарядки — хлопки, голос ведущей, общий смех.

— Удачи, Ева, — бросил он на прощание и, развернувшись, пошёл к поляне, засунув руки в карманы худи.

Я смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри шевелится что-то тёплое. В этом месте, где всё было слишком идеальным, слишком правильным, нашёлся кто-то, кто тоже чувствовал себя чужим. И от этого почему-то стало легче.

Окинув взглядом коробку под еловыми лапами — птица там, в безопасности, — я развернулась и пошла следом за

Виктором к поляне. Но не успела я выйти из-за деревьев, как на меня буквально налетела Алёна.

— Где тебя носит? — выпалила она, и я остановилась от неожиданности.

Это была не та Алёна, что встречала нас у арки с ласковой улыбкой, не та, что извинялась за кремы и провожала к домику. Передо мной стояла растерянная, почти злая девушка, чьи брови сошлись на переносице, а губы были плотно сжаты.

— Я… — открыла рот я, но она перебила, даже не дав шанса объясниться.

— Иди в шатёр на завтрак, зарядка уже закончилась. — голос её звучал резко, будто она отчитывала провинившуюся. — И больше не теряйся.

Она буркнула это и, не дожидаясь ответа, развернулась и умчалась по своим делам, только белое платье мелькнуло между деревьями.

Я осталась стоять, всё ещё сжимая в руках край своего сарафана. Внутри шевельнулось что-то неприятное — не страх, но смутное беспокойство. *Почему она так реагирует?* Мы же не в армии, не в закрытом учреждении. Это просто ретрит, место, где все должны быть расслаблены и счастливы. Или нет?

Я помотала головой, отгоняя мысли, и направилась к шатру. Завтрак так завтрак. Но на душе остался неприятный осадок. Алёна определённо знает больше, чем говорит. И её нер-

возность — плохой знак. Особенно после мёртвой птицы. Или живой. Я уже путалась.

— Ева! Садись сюда! — Лена помахала рукой, освобождая место на лавке рядом с собой.

Я пробралась между сидящими и плюхнулась на нагретое дерево. Инна уже вовсю атаковала стол — перед ней красовалась горка свежего хлеба, миска с ягодами и кружка с травяным отваром.

— Сума сойти какие правила! — недовольно высказалась подруга, запихивая в рот очередной кусок хлеба. — Я опоздала всего лишь на десять минут, а меня отчитали как ребёнка! Ты вообще где была?

— А… помогала птичке, — ответила я рассеянно, окидывая взглядом длинный стол.

Глаза сами нашли Виктора. Он сидел в самом конце, отдельно от всех, в своём неизменном чёрном худи с капюшоном, натянутым так, что лица почти не видно. Он не ел, не пил, просто сидел, уставившись в одну точку, и всем своим видом показывал, что ему здесь глубоко плевать на всё происходящее. На него косились соседи по столу, но никто не решался заговорить.

— Так, — Лена перехватила мой взгляд и хитро прищурилась. — У нас значит секретики появились? Выкладывай!

— Какие секретики? — я постаралась изобразить недоумение, но щёки предательски потеплели.

— А это кто? — Лена кивнула в сторону Виктора. — Ты

на него смотришь уже минуту. Познакомилась с кем-то, пока нас с Инной на зарядке муштровали?

— Да так, — я пожала плечами, стараясь говорить небрежно. — Столкнулись у леса. Он помог птицу спрятать.

Инна, жующая хлеб, вдруг замерла и уставилась на меня с прищуром.

— Птицу? Ту самую, которую ты у окна нашла? И что, он просто так мимо проходил?

— Ну да, — я чувствовала, как под их взглядами начинаю краснеть ещё сильнее. — Он сказал, что у него брат орнитолог, и что птица просто оглушена. Мы её в коробку положили под ёлку, чтобы звери не нашли.

— Ага, — протянула Лена с многозначительной улыбкой. — И как его зовут, этого загадочного спасителя пернатых?

— Виктор, — буркнула я, надеясь, что они отстанут.

Но куда там. Инна отложила хлеб и подалась вперёд, сверля меня взглядом.

— И что, он тоже новенький? Судя по капюшону — да. Никто из местных так не ходит.

— Ага, — кивнула я. — Говорит, брат отправил. И ему здесь тоже не нравится.

— О! — Лена чуть не подпрыгнула на месте. — Союзник! Надо брать его в нашу команду.

— Лен, — осадила её Инна, — человек в капюшоне сидит, ни с кем не общается, может, он просто интроверт. Не все же такие общительные, как ты.

Я посмотрела на Виктора. Он, словно почувствовав мой взгляд, поднял голову и встретился со мной глазами. На мгновение мне показалось, что он хочет улыбнуться, но вместо этого он просто кивнул и снова уткнулся в стол.

— Ладно, — Лена махнула рукой, — потом познакомимся. А сейчас давайте есть, а то я с голоду умру. Эти ритуалы и зарядки выматывают больше, чем работа.

И мы приступили к завтраку. Мысли всё ещё крутились в голове о вчерашнем. О том, как мы смеялись без причины, как кружились в хороводе, как потом провалились в сон без сновидений. И эта птица утром — будто знак, который я никак не могла расшифровать. Я боязливо отпила воду из стакана, но голод взял своё — рука сама потянулась к лепёшке. Желудок требовал еды, несмотря на тревогу, застрявшую где-то под рёбрами. Мне всё ещё было непонятно: мне просто показалось, что вчерашний вечер был странным, или на самом деле что-то не так?

Аня, сидевшая рядом, ковыряла ложкой в каше и выглядела ещё более бледной, чем обычно. Она подняла глаза и тихо спросила:

— Как думаете, если я не пойду на утренний ритуал, меня тоже будут сильно ругать?

Инна хмыкнула, откусывая очередной кусок хлеба.

— Мммм… скорее всего. Ты же видела, как они на зарядке бесились из-за опозданий. Думаю, прогул — это вообще преступление.

— А я так не думаю, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Можно же поговорить с Радой. Скажи, что неважно себя чувствуешь. Она вроде адекватная, должна понять.

Аня с сомнением посмотрела на меня, но в её глазах мелькнула надежда.

— Думаешь?

— Попробовать стоит, — пожала я плечами. — Хуже не будет. А если заставят — всегда можно уйти, сославшись на головокружение.

— Спасибо, — тихо сказала Аня и, допив компот, направилась к выходу из шатра, туда, где уже виднелась фигура Рады, беседующей с кем-то из организаторов.

Мы с Инной и Леной остались за столом. Лена проводила Аню взглядом и вдруг спросила:

— А вы заметили, что Рада как-то странно на нас смотрела вчера у костра? Особенно на тебя, Ева.

Я вздрогнула. Лена была права — взгляд Рады вчера показался мне слишком пристальным, слишком изучающим. Но я списала это на воображение.

— Тебе показалось, — ответила я неуверенно.

— Не знаю, — протянула Лена. — Она вообще какая-то… слишком правильная. Как будто не человек, а картинка.

Инна фыркнула:

— Ты просто не привыкла к тому, что кто-то может быть искренне добрым. Вот и ищешь подвох.

— А ты привыкла? — парировала Лена.

Инна замялась, но ответить не успела — снаружи донёсся звон колокольчика, призывающий к следующему этапу расписания. Люди за столами зашевелились, засобирались. Мы тоже поднялись, оставляя на столе пустые миски и кружки.

Мы вышли под яркое солнце, оставляя Виктора одного в пустеющем шатре. Но его образ — тёмный, замкнутый, чужой — застрял в памяти, как заноза. Почему-то мне казалось, что мы ещё встретимся. И, возможно, совсем скоро.

— Ну что, идём ритуалить? — задорно спросила Инна, и в её голосе снова зазвенела та беззаботная нотка, которая появлялась, когда она забывала о всех наших тревогах. — Аню всё-таки отпустили, — добавила она, оглянувшись на выход из шатра, где скрылась бледная фигурка нашей подруги.

Мы с Леной почти синхронно кивнули и, подхватив подолы белых платьев, отправились вслед за остальными. Тропинка вела нас вглубь лагеря, туда, где на аккуратно подстриженной поляне уже были разложены подушки — ровными рядами, будто в зрительном зале. Девушки и мужчины рассаживались отдельно, но не строго: кто-то сидел парами, кто-то в одиночестве, и в этом чувствовалась та же продуманная естественность, которая меня одновременно успокаивала и настораживала.

В центре полукруга стояла Рада. Рядом с ней стоял тот самый мужчина с бородкой — его, кажется, звали Святослав или как-то похоже.

— Садитесь, девочки, — Алёна, уже успевшая сменить гнев на милость, указала нам места в третьем ряду. — Сегодня будет особая практика. Постарайтесь открыться.

Мы устроились на подушках. Я машинально поправила длинные рукава, прикрывающие запястья, и огляделась. Народу было много — человек тридцать, не меньше. Кто-то сидел с закрытыми глазами, явно настраиваясь, кто-то тихо перешёптывался с соседом. Инна рядом со мной, наоборот, вся подалась вперёд, горя желанием впитать каждое слово.

— Готова? — шепнула она, сверкнув глазами.

— Ага, — ответила я.

Рада подняла руку, и тишина стала абсолютной. Даже птицы, кажется, замолчали.

— Сегодня, — начала она своим низким, вибрирующим голосом, — мы будем говорить о силе рода. О той нити, что связывает нас с предками, с землёй, с самой сутью.

Я вздохнула и постаралась расслабиться. Может, это просто психология. Может, ничего страшного здесь нет.

— Закройте глаза. Сделайте глубокий вдох. — продолжила Рада, обводя взглядом сидящих.

Я послушно закрыла глаза. Сквозь веки пробивалось тёплое солнце, рисуя оранжевые пятна. Где-то рядом Инна дышала глубоко и ровно — она умела отключаться, доверяться процессу. Я же всегда оставалась наблюдателем даже в собственной голове.

— Представьте, что вы стоите у огромного дерева, — го-

лос Рады лился медленно, тягуче, как мёд. — Его корни уходят глубоко в землю, в самое сердце мира. А ветви касаются неба. Это ваше родовое древо. Подойдите к нему. Прикоснитесь к коре.

В тишине слышалось только дыхание десятков людей и далёкий шум реки. Я старалась представить это дерево, но вместо него почему-то виделось стекло — прозрачное, холодное, отражающее моё лицо с белой прядью, выбившейся из косы.

— Почувствуйте, как корни обвивают ваши ступни, — продолжала Рада. — Они не держат, они поддерживают. В них — сила ваших бабушек и прабабушек, всех женщин вашего рода, что жили до вас. Их боль, их радость, их любовь — всё это в вас.

Я вдруг отчётливо вспомнила бабушку. Её руки, вечно пахнущие тестом и сухой травой. Как она гладила меня по голове и шептала: *«Ничего, Ева, всё образуется. Ты у меня особенная».* Особенная. С белыми пятнами на коже, которые я так ненавидела. Бабушка называла их *«поцелуями предков».*

— Если в вашем роду были раны, — голос Рады стал тише, интимнее, — если были обиды, проклятия, невысказанные слова — сейчас самое время отпустить их. Представьте, что корни забирают эту боль, уносят глубоко в землю, где она превращается в питательную почву. Для новой жизни. Для вас.

Где-то слева всхлипнула девушка. Кто-то задышал чаще. Я же сидела с сухими глазами, чувствуя только лёгкое головокружение — то ли от солнца, то ли от гипнотического голоса Рады.

— А теперь откройте глаза и посмотрите друг на друга, — велела Рада. — Посмотрите на женщин рядом с вами. Это не чужие люди. Это ваши сёстры по роду. По духу. По этой земле. Улыбнитесь им.

Я повернулась к Инне. Она смотрела на меня с такой теплотой, какой я давно не видела — будто между нами действительно протянулась та самая незримая нить. Лена с другой стороны тоже улыбалась, хотя в её глазах блестели непролитые слёзы.

— А теперь, — Рада поднялась, и платье её колыхнулось, открывая босые ступни, — мы разделимся. Мужчины останутся здесь со Святославом, а женщины пройдут к реке. Там, у воды, мы продолжим нашу практику.

Девушки зашевелились, поднимаясь с подушек. Инна схватила меня за руку и потащила за собой.

— Идём, идём! Это, кажется, самое интересное!

Я позволила увлечь себя, и пошла к реке, где нас уже ждала Рада, стоящая по колено в воде, с распущенными волосами, похожая на древнюю русалку или языческую богиню. Усьва текла мимо, холодная и быстрая, и мне почему-то казалось, что сегодня она заберёт больше, чем просто усталость.

— А сейчас мы поговорим о любви, — голос Рады плыл над водой, смешиваясь с шумом реки. — О том, как в ночь на Ивана Купалу ваши венки поплывут по этой быстрой реке, унося с собой старые печали и открывая сердце новому. Но чтобы впустить в себя любовь, нужно очиститься. Ступайте в воду.

Она указала рукой, приглашая, и девушки одна за другой начали спускаться к реке. Кто-то шёл смело, сразу заходя по щиколотку, кто-то мялся на берегу, пробуя воду ногой и взвизгивая. Я осталась стоять на месте, наблюдая, как белые подолы намокают и темнеют у кромки воды.

— Вода ледяная, — прошептала я Инне, которая уже скинула сандалии и нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. — Я не пойду.

— Да брось, — она толкнула меня плечом. — А вдруг это реально работает? Представляешь, мы скоро будем сидеть с тобой не вдвоём, а вчетвером? — Она многозначительно подняла брови, намекая на отношения, и, не сомневаясь ни секунды, шагнула в воду.

Я смотрела, как она идёт всё глубже, как вода поднимается выше щиколоток, до середины икры, и вдруг Инна обернулась и крикнула:

— Не так уж и холодно!

Мы с Леной переглянулись. Лена пожала плечами и, зажмурившись, тоже вошла в реку. Я осталась последней. Несколько девушек уже плескались, кто-то смеялся, кто-то,

наоборот, стоял молча, закрыв глаза, отдаваясь ритуалу. Рада медленно двигалась между ними, касаясь каждой, зачерпывая воду ладонями и умывая лица.

Я сделала глубокий вдох и шагнула в воду.

Первое ощущение было таким, будто тысяча ледяных иголок впились в кожу. Дыхание перехватило, ноги мгновенно онемели. Я вскрикнула, но звук утонул в шуме реки. Стиснув зубы, я прошла ещё немного, чувствуя, как холод поднимается выше, сковывая мышцы.

— Не холодно? — прошипела я, поравнявшись с Инной. Зубы мои выбивали мелкую дробь.

Она только ухмыльнулась, глядя на моё страдальческое лицо.

— Привыкай. Говорят, это полезно — кровь разгоняет.

Рада уже приближалась ко мне. Её лицо было спокойным, почти отрешённым. Она зачерпнула пригоршню воды и, глядя мне прямо в глаза, плеснула в лицо.

Холод обжёг щёки, лоб, веки. На миг я перестала дышать. А когда открыла глаза, Рада уже стояла перед Леной, повторяя тот же жест.

— Очищение, — донёсся до меня её голос. — Вода Усьвы смывает всё, что мешает любить. Страхи, обиды, сомнения. Почувствуйте, как она забирает их.

Я стояла по колено в ледяной реке, и мне казалось, что вода действительно что-то забирает. Не страх и не обиды, а, скорее, остатки тепла, остатки привычной защиты. Я сжа-

лась, обхватив себя руками, но дрожь не унималась.

Инна рядом, наоборот, разрумянилась, глаза её горели. Она явно кайфовала от происходящего.

— Ну как ты? — крикнула она, перекрывая шум.

— Я замерзаю…

— Потерпи, сейчас выходить будем.

Но Рада не спешила отпускать нас. Она ходила между девушками, что-то шептала каждой на ухо, и те кивали, будто соглашаясь с чем-то важным. Когда она подошла ко мне, я почувствовала запах трав — мяты, полыни, ещё чего-то горьковатого.

— Ты держишься, — сказала она, не спрашивая. — Это хорошо. Но отпускать страхи нужно учиться. Ты слишком крепко за них держишься, Ева.

Я хотела возразить, что мои страхи — не просто каприз, что у них есть причина, что без них я уязвима. Но слова остались на кончике языка.

— Всё приходит в своё время, — добавила Рада и отошла к следующей.

Наконец она подняла руку, и девушки начали выходить на берег. Я, шатаясь, побрела к траве, чувствуя, как вода стекает с подола, как кожа покрывается мурашками. Инна подхватила меня под руку, помогая выбраться.

— Жива?

— Кажется, да, — выдохнула я.

Мы упали на траву, подставляя лица солнцу. Где-то рядом

Лена растирала ноги, матерясь сквозь зубы. А над рекой всё так же плыл голос Рады, завершающей ритуал.

Я закрыла глаза. В ушах шумело. То ли от воды, то ли от мыслей, которые никак не хотели успокаиваться.

— Что у нас там дальше по расписанию? — пробормотала я, отогревая ноги на солнце и чувствуя, как жизнь по капле возвращается в закоченевшие пальцы.

— Вроде как свободное время, можно травы пособирать, — Инна покопалась в памяти, морща лоб. — Надо посмотреть, что там в брошюре написано, но, кажется, у нас часполтора безделья.

Лена быстрыми шагами подошла к нам и плюхнулась на траву, даже не потрудившись постелить что-то под себя.

— Вы меня прикроете? — выпалила она, переводя дыхание.

Я повернула голову, не понимая вопроса. Инна тоже уставилась на неё с недоумением.

— Если вдруг Алёна начнёт меня искать, — затараторила Лена, оглядываясь по сторонам, — скажите, что я… ну, не знаю… в домике. Или в туалете. Или вообще заболела и лежу пластом.

— Что ты задумала? — Инна прищурилась, и в её глазах загорелся знакомый азартный огонёк.

Лена понизила голос до заговорщицкого шёпота:

— Я пойду в мужской лагерь. К Игорю. Разведаю обстановку.

— О-о-о! — Инна подалась вперёд, чуть не подпрыгивая на месте. — Отлично! Тогда веди его на общую поляну и друга какого-нибудь прихвати! Желательно симпатичного и неженатого. А то Ева уже познакомилась с парнем, у тебя есть ухажёр, а я? Получается, в монастырь записалась?

Лена рассмеялась — звонко, заливисто, так что сидящие неподалёку девушки обернулись.

— Он мне не парень, — отмахнулась она, но щёки её предательски порозовели. — Просто друг. Мы же вместе приехали, надо же проведать человека.

— Ага, рассказывай, — Инна скрестила руки на груди с видом бывалого следователя. — Я видела, как он на тебя смотрит. Так смотрят не на «просто друга».

— Да ну вас! — воскликнула Лена, с улыбкой на лице.

— Так всё, — сказала я, отряхивая колени. — Я пошла.

— Куда? — Инна удивлённо уставилась на меня. — Ты же только пришла, отогреться не успела.

— В домик, — ответила я коротко. — Проведаю Аню. Она там одна, наверное, переживает.

Девочки понимающе кивнули:

— Да, давай. Если что, мы с Леной на связи. В смысле — на поляне.

Я улыбнулась и направилась к нашим домикам, оставляя подруг обсуждать планы по захвату мужского лагеря. Солнце припекало всё сильнее, суша мокрую траву и мои волосы, ещё хранящие холод речной воды. Где-то за спиной снова

раздался смех подруги — беззаботный, громкий, тот самый, который я так любила.

Но внутри у меня было неспокойно. Аня, птица, Виктор, этот чудной ритуал в воде — всё смешалось в клубок, который я никак не могла распутать. Может, Инна права, и я просто слишком много думаю. А может, именно сейчас и нужно думать больше, чем когда-либо.

Я ускорила шаг. Домик уже виднелся впереди — треугольный, стеклянный, смотрящий своими огромными окнами на реку. И я почему-то надеялась, что Аня там, что с ней всё в порядке, и что мы сможем просто поговорить. По-человечески, без этих ритуалов и загадочных улыбок.

Я выдохнула и распахнула дверь. Внутри было тихо и прохладно. Аня сидела на своей кровати, поджав ноги, и смотрела в одну точку.

— Привет, — сказала я тихо, чтобы не спугнуть. — Как ты?

Она повернула голову, и в её глазах я увидела то, чего боялась больше всего: пустоту. Ту самую, что была вчера у костра, перед тем как она начала смеяться без остановки.

— Ева, — произнесла она чужим, отстранённым голосом. — Ты тоже это чувствуешь?

— Что? — я села рядом, стараясь не касаться её, но чувствуя, как мурашки снова бегут по спине.

— Что здесь не так. Что мы не должны были сюда приезжать.

Я молчала, потому что не знала, что ответить. Потому что чувствовала то же самое. И от этого становилось по-настоящему страшно.

— Ань, что произошло? — напуганно спросила я, вглядываясь в её побелевшее лицо.

— Ничего… — она повела плечом, будто стряхивая невидимую тяжесть. — Голова кружится. С тех пор как проснулась, всё плывёт.

Я осторожно прижалась плечом к её плечу — так, чтобы она чувствовала тепло, поддержку, чтобы знала: я здесь.

— Что сказала Рада? — спросила я тихо, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Аня вздохнула, и этот вздох показался мне слишком глубоким, слишком… осознанным для человека, у которого кружится голова.

— Сказала принять душ и полежать. Я так и сделала. Больше ничего.

Она повернула голову и посмотрела на меня. И вдруг — я не поверила своим глазам — её взгляд ожил. Из мутного, отсутствующего он превратился в почти лихорадочный, слишком яркий, слишком быстрый.

— Может, просто прогуляться надо? — выпалила она и, не дожидаясь ответа, вскочила с кровати. Платье её взметнулось, оголив щиколотки. — Да, точно, прогуляться!

— Ты уверена? — начала я, приподнимаясь следом, но она уже заметалась по комнате, поправляя подол, одёргивая

платье, приглаживая волосы. Движения её были слишком быстрыми, слишком порывистыми, будто внутри неё завелся моторчик, который не давал покоя.

— Да! — воскликнула она, и голос её зазвенел, как натянутая струна. — Пойду венки плести! Точно, это успокаивает. Рада говорила — работа с травами возвращает равновесие.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё леденеет. Это была не та Аня, что минуту назад сидела бледная и смотрела в пустоту. Не та, что боялась этого места и сжимала крестик. Передо мной стояла другая девушка — с горящими глазами, нервной улыбкой, слишком громким голосом.

— Ань, — позвала я осторожно, — может, не стоит? Ты же говорила, тебе здесь не нравится.

— Глупости, — отмахнулась она. — Всем здесь нравится. И мне понравится. Надо просто привыкнуть, да?

Она улыбнулась — широко, открыто, но улыбка не коснулась глаз.

— Я скоро, — бросила она уже у двери. — Ты иди к девочкам, не жди меня.

И выскользнула наружу, оставив меня одну в полумраке комнаты. Сквозь открытую дверь врывался солнечный свет, пахло травой и рекой, и было слышно, как где-то далеко смеются люди.

Я опустилась на кровать, сжимая в руках край одеяла. Внутри билась одна мысль: *что-то не так.* С Аней, с этим

местом, с нами всеми. Но что я могла сделать? Побежать за ней, силой увести? У неё своя голова на плечах.

Или уже нет?

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение.

Но когда я вышла на крыльцо и увидела её удаляющуюся фигуру — лёгкую, почти летящую.

Я пошла на поляну. Нужно было сказать девочкам о своих подозрениях, но как только я подошла к ним, девушки уже стояли в компании незнакомых мне парней. Только одного я знала — Игоря, того самого, с кудрявой головой и тёплой улыбкой, что сидел за соседним столом.

— Эй, — прошептала я, приближаясь.

— О, почти все в сборе! — воскликнула Лена, сияя. — Знакомься, это…

— Нужно поговорить, — перебила я, схватив её за руку и потянув в сторону. Инна, удивлённо вскинув брови, последовала за нами, оставив парней в недоумении переглядываться.

— В чём дело? — спросила Инна, когда мы отошли на достаточное расстояние.

— Аня, — выдохнула я, чувствуя, как сердце заколотилось где-то в горле. — Она странно себя ведёт. Очень странно.

Лена выдавила смешок — нервный, какой-то не свойственный ей.

— Ты только заметила? — она закатила глаза. — Она сама

по себе странная. Честно говоря, не повезло мне с соседкой. Молчит всё время, а если и говорит — то только о том, как ей здесь плохо.

Девочки тихо засмеялись, переглянувшись. Я смотрела на них и не узнавала. Куда делась та поддержка, что была вчера у реки? Та тёплая, искренняя связь?

— Да нет же! — я почти крикнула, заставив их вздрогнуть. — Вы посмотрите!

Я резко развернулась и указала в сторону поляны, где на расстеленных покрывалах сидели девушки, занимаясь плетением венков. Среди них была Аня. Она сидела в самом центре круга, оживлённо что-то рассказывала соседкам и смеялась. Смеялась громко, запрокинув голову, совсем как вчера у костра. Её руки быстро, ловко перебирали стебли и цветы, вплетая их в венок. Со стороны — идеальная картина счастливой участницы ретрита.

— И что? — Инна пожала плечами, бросив равнодушный взгляд в сторону Ани. — Сидит, плетёт венок, общается. Всё нормально. Ты сама говорила: может, ей просто нужно было привыкнуть.

— Вы не понимаете, — я переводила взгляд с одной на другую, чувствуя, как внутри закипает отчаяние. — Полчаса назад она была сама не своя. Сидела в домике, бледная как смерть, говорила, что здесь всё неправильно, что нам не надо было приезжать. А теперь — посмотрите на неё! Это не она. Это какая-то другая девушка.

Лена скрестила руки на груди, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на раздражение.

— Слушай, Ева, — сказала она, и голос её стал твёрже. — Я понимаю, ты за неё переживаешь. Но может, она просто устала от твоей гиперопеки? Человек расслабился, влился в коллектив, а ты ищешь проблемы там, где их нет.

— Лена права, — поддержала Инна, и в её голосе тоже не было привычной мягкости. — Ты вечно ищешь подвох. То нам компот показался подозрительным, то птица — плохой знак, то Аня ведёт себя не так. Может, дело не в них, а в тебе?

Я отшатнулась, будто от удара. Инна — моя лучшая подруга, которая всегда была на моей стороне, которая понимала без слов, — сейчас смотрела на меня с холодным недоумением.

— Вы серьёзно? — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Вы не видите, что здесь происходит? Что с Аней что-то сделали?

— Ева, — Лена вздохнула, как взрослый с капризным ребёнком, — здесь все добрые, все заботливые. Рада нам помогает, ритуалы очищают. Может, тебе тоже стоит расслабиться и перестать искать врагов там, где их нет?

Они обменялись понимающими взглядами, от которых меня бросило в дрожь. Это были не мои подруги.

Я оглянулась на поляну. Аня уже доплела венок и теперь надевала его на голову, принимая восхищённые комплименты от сидящих рядом девушек. Она улыбалась той самой,

фальшивой улыбкой, которую я видела у «постояльцев» в первый день.

— Ладно, — сказала я тихо, пятясь назад. — Делайте, что хотите. А я пойду.

— Куда? — крикнула Инна вслед.

Но я уже бежала. Бежала прочь от этой поляны, от этих улыбок, от подруг, которые вдруг стали чужими. Бежала, сама не зная куда. Подальше от этого места, где всё такое правильное и приторное.

Ветки хлестали по лицу, трава путалась под ногами, но я неслась вперёд, пока не вылетела на маленькую поляну у самого леса. Там, у корней старой ели, сидел Виктор. И я тут же застыла на месте.

Он поднял голову, увидел моё лицо и, кажется, всё понял без слов.

— Садись, — сказал он просто, отодвигаясь, чтобы освободить место на поваленном стволе.

Я опустилась рядом, тяжело дыша, и только тогда позволила себе разрыдаться.

— Что произошло? — спросил он, оглядывая меня с ног до головы. Взгляд его карих глаз скользнул по моему раскрасневшемуся лицу, по сбившемуся дыханию, по рукам, которые я судорожно сжимала в кулаки.

— Ничего… — пробормотала я, отворачиваясь и пытаясь унять дрожь в голосе.

Он встал напротив, и только сейчас я заметила то, чего

не видела утром. На нём была та же белая льняная рубаха, что и у всех остальных. Свободная, с закатанными рукавами, открывающая загорелые предплечья. Я уставилась на неё, не в силах скрыть удивление.

— Заставили? — спросила я, и в голосе против воли прозвучала горечь.

— Что? — он нахмурился, не понимая.

— Ты в рубашке, — я кивнула на его одежду. — Утром был в худи, а теперь…

— Ах, да, — Виктор усмехнулся, но усмешка вышла кривой, без тени веселья. — Решил не привлекать столько внимания к своей персоне. Влился, так сказать. Слишком уж они пристально смотрят на тех, кто выделяется.

Он сел обратно на ствол, и прислонился своим плечом ко мне, от этого прикосновения я еле заметно вздрогнула.

— Тебя тоже достали? — спросил он тихо, глядя куда-то в сторону леса.

— Мои подруги… — я сглотнула ком в горле. — Они больше не мои подруги. Смотрят на меня как на чужую. Говорят, что я всё выдумываю, что Аня просто вписалась в коллектив, а я ищу проблемы.

— Аня — это та, что с крестиком? — уточнил Виктор.

Я кивнула, удивлённая, что он запомнил круг моего общения.

— Она сегодня утром была сама не своя. Говорила, что здесь всё неправильно, что ей страшно. А теперь сидит в кру-

гу и плетёт венки, смеётся, как будто век здесь живёт. И девочки… Лена с Инной не видят в этом ничего странного.

Виктор молчал, перекатывая в пальцах сухую травинку. Потом вдруг спросил:

— Ты пьёшь то, что они дают? Компоты, воду, травяные настои?

Я замерла.

— Пью. А что?

— А я нет, — он поднял на меня спокойный взгляд. — С самого первого дня пью только из бутылок, которые привёз с собой. Местная вода кажется мне… подозрительной.

— Думаешь, нас травят? — прошептала я, чувствуя, как позвоночник прострелило дрожью.

— Не знаю, — честно ответил Виктор. — Но то, что здесь происходит с людьми, — это не нормально. Ты заметила, как быстро все становятся… удобными? Улыбаются, соглашаются, радуются. Слишком быстро, слишком одинаково.

Я вспомнила вчерашний вечер. Свой смех без причины, эйфорию у костра, провал в памяти. И Инну, которая спала так сладко, что слюна текла на подушку, а наутро почти ничего не помнила.

— Господи, — выдохнула я, закрывая лицо руками. — Что же это за место?

Виктор положил руку мне на плечо — осторожно, будто боялся спугнуть.

— Место, откуда надо валить. И чем быстрее, тем лучше.

Я подняла на него глаза. В его взгляде не было паники, только спокойная, холодная решимость.

— Но как? Лодка только по вызову, телефоны забрали, река быстрая, лес…

— Я ищу выход, — перебил он. — Сегодня ночью пойду разведаю тропы, пока все будут у костра. Если хочешь — со мной.

Я смотрела на него и вдруг поняла, что впервые за двое суток чувствую что-то, кроме страха и тревоги. Надежду.

— Хочу, — ответила я твёрдо.

Виктор кивнул и протянул мне руку.

— Тогда давай договоримся: на ритуалах делаешь вид, что всё хорошо. Пьёшь воду, но не глотай — выплёвывай, когда никто не видит. Улыбайся, кивай. А ночью, после отбоя, встречаемся здесь. Идёт?

— Идёт, — я пожала его ладонь, тёплую и надёжную.

Мы разошлись в разные стороны. Я — к поляне, где меня ждали чужие улыбки и притворство. Он — к лесу, чтобы искать путь к свободе.

И только теперь я заметила, что внутри меня больше нет страха. Только злость и решимость. Это место не получит меня. Ни меня, ни Аню, никого из нас.

Глава пятая

Вернувшись в домик до сигнала колокола, предупреждающего, что скоро начнётся дневной ритуал, я бесшумно прикрыла за собой дверь и прислушалась. Тишина. Инна всё ещё не вернулась — её подушка лежала нетронутой, покрывало смято там, где она сидела утром. Хорошо. Мне нужно было побыть одной.

Я опустилась на колени и вытащила из-под кровати свою сумку. Руки действовали быстро, на автомате: молния, шорох ткани, и вот в пальцах уже знакомый блокнот с пожелтевшими страницами и простой карандаш. Я села на пол, прислонившись спиной к кровати, и раскрыла чистый разворот.

Территория. Нужно зарисовать всё, что успела запомнить. Главная поляна с шатром, наш домик, тропинка к реке, место под елью, где мы прятали птицу, расположение мужского лагеря — насколько я могла его видеть со стороны. Карандаш заскользил по бумаге, вырисовывая схематичные линии: кружочки домиков, прямоугольник шатра, извилистую линию Усьвы, крестики деревьев. Возможные выходы для побега.

Но в голове крутилось другое. Навязчивая, прилипчивая мысль, от которой не получалось отмахнуться: а что, если просто подойти к Раде или Алёне и сказать: *«Я хочу уехать»?* Отпустят ли так просто? Или начнутся уговоры, практики,

«останься ещё на денёк, почувствуй»? Может быть, я ищу сложный путь, примеряю роль заговорщицы, когда достаточно простого слова? Я застыла на месте, уставившись в одну точку. Нет. Просто так отсюда не отпускают. Здесь чересчур любят своих гостей, чтобы позволить им уйти.

Я тряхнула головой и вернулась к рисунку. Поляна, разделяющая мужской и женский лагерь, — на схеме она выглядела безобидным зелёным пятном. Архитектура лагеря: домики-треугольники, выстроенные в шахматном порядке, ровные дорожки, кострище. Всё выверено, продумано, подчинено какой-то неведомой логике. Я смотрела на свои каракули и видела то, чего не замечала раньше: лагерь был замкнут. С трёх сторон лес, с четвёртой — река. Берег, который я пометила волнистой линией, казался единственным открытым пространством, но вода была быстрой, опасной, и лодка ходила только по вызову.

Что таит в себе лес? Я обвела его на карте жирной чертой. Туда не пускают, там *«не место для прогулок»*. Значит, именно там может быть выход. Или ловушка. Или что-то, что они так тщательно скрывают. Я осмотрела нарисованную схему, и вдруг мелькнула мысль: линии сходятся. Геометрически выверенная структура — как будто кто-то специально вычертил это место, чтобы никто не потерялся — и никто не нашёл дорогу обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.